Въ уѣздѣ.

Двѣ свѣчи, въ неровныхъ и далеко не въ чистыхъ подсвѣчникахъ, плохо освѣщали небольшой и неуютный номеръ—единственной въ нашемъ городкѣ—гостинницы. Ихъ красное пламя не въ силахъ было бороться съ врывавшимся въ окна мракомъ осенней, непроглядной ночи, и въ комнатѣ было мрачно и невесело.

Алексѣй Петровичъ сидѣлъ у стола, подлѣ давно потухшаго самовара. Его взоръ разсѣянно блуждалъ по темнымъ стѣнамъ, съ отставшими тамъ и сямъ обоями, по разнокалиберной мебели, по нависшему надъ нимъ потолку—и воспоминанія прошлаго, недавняго прошлаго, вставали въ его памяти живыми картинами.

Онъ вспоминалъ и невольно подводилъ итоги.

Это было вовсе не въ его характерѣ но было всего лишь девять часовъ: о томъ, чтобы ложиться спать—не могло быть и рѣчи, а больше дѣлать было нечего.

Онъ вспоминалъ, подводилъ итоги и, въ концѣ концевъ, ему приходилось сознаться, что онъ поспѣшилъ. Правда, еслибы отъ его воли зависѣло измѣнить принятое имъ рѣшеніе, онъ вѣроятно не измѣнилъ бы его... Онъ ни за что не измѣнилъ бы его... Но, нѣтъ сомнѣнія, что онъ поспѣшилъ.

Онъ не помнилъ своего дѣтства. До сихъ поръ ему некогда было вспомнить его. У него не было юности. Служба съѣла его молодость: она проглотила всю его жизнь.—Петербургъ и департаментъ—вотъ все, что было въ его прошедшемъ; вотъ районъ, за предѣлы котораго не могли выйдти его воспоминанія.

Петербургъ и департаментъ... Онъ ушелъ отъ нихъ... Онъ однимъ взмахомъ порвалъ съ ними всякую связь.—Порвалъ разъ навсегда и безповоротно.

Онъ не жалѣетъ и не раскаявается; но онъ не убѣжденъ, что сдѣланный имъ шагъ не былъ ложнымъ.

Въ глазахъ другихъ онъ былъ верхомъ безумія.—Въ этомъ сходились всѣ друзья—и враги его.

Дѣлецъ и работникъ, какимъ можетъ быть только чистокровный петербуржецъ, Алексѣй Петровичъ занималъ въ тамошней іерархіи весьма солидный постъ, на которомъ онъ держалъ себя съ достоинствомъ. Онъ, какъ говорится, умѣлъ поставить себя.—Его слово имѣло вѣсъ и значеніе. Его совѣтъ цѣнили дорогою цѣною. Въ извѣстномъ кружкѣ, игравшемъ видную роль въ бюрократическомъ мірѣ Петербурга, онъ безспорно былъ авторитетомъ и притомъ авторитетомъ не малаго калибра. Лица, стоявшія гораздо выше его, невольно склонялись передъ нимъ.—Не всякій рѣшился бы стать у него на дорогѣ, и это рѣдко кому проходило даромъ.

У него было много друзей и, конечно, еще больше враговъ.—Друзья восторгались имъ, враги ненавидѣли его; но онъ умѣлъ справляться и съ тѣми, и съ другими, и ни тѣ, ни другіе не мѣшали ему.

Оглядываясь назадъ, и перебирая прошедшее, день за днемъ, часъ за часомъ, Алексѣй Петровичъ положительно не могъ понять своего паденія.—Несмотря на всѣ усиліи выглядѣть его причину, или выслѣдить, по крайней мѣрѣ, моментъ поворота, моментъ, съ котораго почва начала уходить изъ подъ его ногъ, онъ не могъ этого сдѣлать.

Переломъ произошелъ тихо, незамѣтно, безъ всякаго повода, безъ всякой причины. Его враги были тутъ совершенно ни причемъ.

Да, почва размокла и потекла сама собою... Къ нему черезчуръ привыкли; къ нему просто приглядѣлись, и его стали забывать.

Его совѣты попрежнему цѣнили на вѣсъ золота, но почему то ихъ спрашивали у него все рѣже и рѣже. Его слово попрежнему было авторитетно, но все складывалось какъ-то такъ, что ему вовсе не приходилось произносить его.

Да, его забывали.—Онъ могъ примириться со всѣмъ, но тодько не съ этимъ.—Онъ не вытерпѣлъ и объяснился.

Это было большою ошибкой съ его стороны, и онъ понималъ это не хуже другихъ.

Само собою разумѣется, объясненіе не помогло, да оно и не могло помочь.—Напротивъ: оно подчеркнуло паденіе Алексѣя Петровича, оно констатировало его.

Предоставь онъ дѣло естественному его теченію, въ недалекомъ будущемъ онъ пришелъ бы къ почетной синекурѣ

съ приличнымъ окладомъ.—Но, выдержки не хватило!.. Онъ подчеркнулъ свое положеніе, и ему больше ничего не оставалось, какъ подать въ отставку.

Да, не хватило выдержки!...—Алексѣй Петровичъ улыбался не безъ горечи.—Столько лѣтъ онъ славился своею выдержкою!.. Всѣ были убѣждены, и онъ вмѣстѣ съ другими, что въ ней главная его сила, а между тѣмъ, надо сознаться, что это было одно лишь недоразумѣніе... Въ часъ, когда она дѣйствительно ему понадобилась, ея у него не хватило.

Ему предлагали компромиссъ:—синекура могла быть ускорена... Но Алексѣй Петровичъ понялъ, что онъ испортилъ дѣло, что синекура уже не могла быть почетной—и онъ подалъ въ отставку.

Онъ не остановился на этомъ.—Онъ понялъ, что для него Петербургъ и департаментъ—одно и тоже, и что, порвавъ связь съ однимъ, надо порвать и съ другимъ. Дѣйствительно, что могъ дать ему Петербургъ внѣ департамента, внѣ предѣловъ его кружка?..

Алексѣй Петровичъ былъ человѣкомъ далеко не бѣднымъ. Онъ легко могъ устроить себѣ жизнь полную комфорта.—Онъ хорошо понималъ цѣну комфорта, но жизнь безъ дѣла и труда не была его идеаломъ и, съ твердостью недюжиннаго человѣка, и съ упрямствомъ дѣльца, онъ рѣшилъ стряхнуть съ себя пыль прошедшаго и начать новую жизнь, начать новый трудъ, котораго Петербургъ не могъ ему дать.

И вотъ онъ въ своемъ родовомъ, давно забытомъ гнѣздѣ. Онъ землевладѣлецъ; онъ сельскій хозяинъ; онъ—въ уѣздѣ...

Онъ долженъ сознаться, что понятія ярового и озимого у него не совсѣмъ ясны... Но, не боги горшки лѣпятъ.—Онъ не унываетъ.—Многое оказалось не такимъ, какъ онъ расчитывалъ, не все пошло такъ, какъ онъ ожидалъ; но онъ не падаетъ духомъ. Онъ бодро глядитъ впередъ и—чего трудно было ожидать—не жалѣетъ о прошедшемъ.

Онъ не боялся новаго труда: онъ боялся новой жизни, но трудъ помогаетъ ему примириться съ нею... Онъ привыкаетъ къ ней гораздо скорѣе, чѣмъ ожидалъ.. Онъ до того привыкаетъ къ ней, что уѣздъ уже начинаетъ захватывать его, всасывать его въ себя.—Онъ еще не замѣчаетъ этого, но чуткое ухо его уже прислушивается, и иногда онъ съ улыбкою признается, что отъ времени до времени уѣздъ дѣлаетъ съ нимъ прескверныя штуки.

— Во всякомъ случаѣ, хорошо или дурно его рѣшеніе, онъ назадъ не пойдетъ!..

А уѣздъ дѣйствительно забиралъ его и дѣлалъ съ нимъ штуки.—Да, этотъ уѣздъ, съ его финансовой системой, не имѣющей ничего общаго съ той, которую такъ долго регулировалъ Алексѣй Петровичъ, съ его немыслимыми, Богъ вѣсть кѣмъ созданными, аграрными законами, о которыхъ никогда и не снилось Алексѣю Петровичу, съ его мужикомъ, котораго не постигнешь, съ его воинствующимъ, разношерстнымъ земствомъ, къ которому не примѣнишься, съ его, замѣненной урядникомъ, администраціею, съ его полями, съ которыми ничего не подѣлаешь, съ его лѣсами, которыхъ не убережешь, съ его ветлянками и сибирками, съ его голодухами, съ его непроѣздными дорогами, съ его засаленнымъ изорваннымъ рублемъ, вовсе непохожимъ на тѣ новенькіе и чистинькіе рубли, которые такъ аккуратно приносилъ ему департаментскій казначей,—этотъ уѣздъ забиралъ Алексѣя Петровича и, дѣйствительно, дѣлалъ съ нимъ прескверныя штуки...

Не прошло еще и года, какъ они стали лицемъ къ лицу, а между тѣмъ Алексѣю Петровичу приходилось уже ловить себя на такихъ странныхъ идеяхъ, которыя заставляли его невольно краснѣть.

Такъ, напримѣръ, ему иногда приходило въ голову, что у изворовавшагося и изолгавшагося мужика есть не одно и не два оправданія... Что грязный, изорвавшійся и засалившійся въ кошелѣ этого мужика рубль, гораздо, несравненно дороже чистенькаго, новенькаго, но ничего нестоющаго рубля ихъ казначея... Что эти разношерстные, по-истинѣ невообразимые земцы, все-жъ таки дѣло дѣлаютъ, тогда какъ тамъ тѣ...

Этой фразы Алексѣй Петровичъ никогда не доканчивалъ.

Но, что всего непонятнѣе, что страннѣе всего, такъ это то, что этотъ ужасный уѣздъ, съ его пустырями, съ его порубленными лѣсами, непроѣздными дорогами, сибирками и голодухами, мало по малу, дѣлался любъ его сердцу, дѣлался ему роднымъ, своимъ; тогда какъ Петербургъ, несмотря на то, что вся жизнь была отдана ему, всегда былъ для него чужимъ и нелюбимымъ.

Когда Алексѣй Петровичъ ловилъ себя на этомъ, онъ хитрилъ и ссылался на то, что будто бы чудное украинское небо его новой родины подкупало его.

Нить воспоминаній порвалась.—Алексѣй Петровичъ всталъ, и разсѣянно прошелся по номеру. Неравныя свѣчи мучили его. Онъ хотѣлъ позвать корридорнаго и приказать ему перемѣнить подсвѣчники, но раздумалъ. Изъ за этихъ подсвѣчниковъ онъ каждый день поднималъ войну, и на другой день ему опять

подавали ихъ-же, какъ-бы на зло... Каждый день втеченіе цѣлой недѣли... Да, вотъ уже недѣля какъ онъ въ городѣ.

Алексѣй Петровичъ улыбнулся. Цѣлую недѣлю живетъ онъ въ городѣ!—Цѣлую недѣлю мается онъ въ этомъ номерѣ по дѣламъ уѣзда!..

Онъ присяжный, и сессія тянется уже недѣлю. Она клонится къ концу, но еще нѣсколько дней придется пробыть здѣсь.

Онъ легко могъ бы уклониться отъ отбытія этой нелегкой повинности; но уклоняться отъ дѣлъ уѣзда вовсе не въ его расчетахъ—и онъ присяжный.

Присяжный!.. Алексѣй Петровичъ снова улыбнулся. Давно ли эти присяжные были для него не болѣе, какъ судъ улицы, нелѣпая, дикая толпа, сообщница воровъ и убійцъ...

И вотъ—онъ тоже присяжный... Онъ—постоянный ихъ старшина... Онъ руководитъ этою толпою, и... и вмѣстѣ съ нею оправдываетъ воровъ и убійцъ...

Да, да!.. Онъ оправдываетъ воровъ и убійцъ... Онъ не смѣетъ сказать, что нѣтъ!..

Алексѣй Петровичъ живо представляетъ себѣ блѣдное, молодое, измозженное лицо, черные, полные горя, потупленные глаза...

— Васъ обвиняютъ, слышится ему глухой голосъ предсѣдателя, въ томъ, что вы убили своего ребенка, своего новорожденнаго ребенка... Признаете ли вы себя виновною?..

Тяжелое молчаніе воцаряется въ залѣ.—Толпа затихла, замерла и напряженно ждетъ.

— Да... Да, виновна!.. едва слышится слабый шепотъ чрезъ тихія, судорожныя рыданія.

— Да, виновна—сказала она; но они... они сказали, что нѣтъ, что невиновна!.. Да, они, и онъ вмѣстѣ съ ними, сказали, что невиновна. Только одинъ старообрядецъ лабазникъ замѣтилъ, что все-жъ таки душегубица... Но, онъ былъ только одинъ.

Голова Алексѣя Петровича тяжело опустилась на руку и передъ его глазами все яснѣе и яснѣе рисовался обликъ блѣднаго измозженнаго лица, и слышались тихія, прерывистыя рыданія.

Въ комнату вошелъ корридорный.

— Самоваръ можно взять?..

Въ отворенную дверь ворвались далекіе звуки фортепіано, людской говоръ.—Кто то напѣвалъ какой то романсъ; отъ времени до времени слышался смѣхъ.

— Гдѣ это? спросилъ Алексѣй Петровичъ вмѣсто отвѣта.

— А тамъ, у судей...

— Мг... какъ дома,.. подумалъ Алексѣй Петровичъ.— Они одни, чужихъ нѣтъ?..

— Исправникъ здѣсь... Лубенскій сейчасъ пріѣхалъ...

— Лубенскій... Знакомая фамилія, припоминалъ Алексѣй Петровичъ.—Ахъ, да,—вспомнилъ...—онъ помѣщикъ; имѣніе недалеко отъ города...—Возьми, сказалъ онъ, указывая на самоваръ.

Корридорный ушелъ и дверей за собою не затворилъ.— Музыка разбитаго фортепіано, говоръ и смѣхъ не прекращались.

— Приспособились и, какъ видно, умѣютъ коротать свое время,—подумалъ Алексѣй Петровичъ. Ему вдругъ захотѣлось пойдти и вмѣшаться въ эту толпу чужихъ ему людей, прислушаться къ ихъ говору, къ ихъ смѣху.

Онъ подумалъ съ минуту, и вышелъ изъ номера.—Проходя по корридору, онъ припоминалъ: предсѣдатель... то есть членъ суда?.. Ну, да это все равно. Предсѣдатель—Андрей Андреевичъ Дунинъ... Прокуроръ—Ризвановъ.—Имени онъ не вспомнилъ... Его жена!.. Онъ хотѣлъ спросить ея имя у встрѣтившагося съ нимъ корридорнаго, но раздумалъ и не спросилъ.—Членъ суда, кажется, Аркадій Ивановичъ Веретеньевъ. Потомъ Лубенскій?.. этого?.. этого?.. Алексѣй Петровичъ любилъ заставлять себя вспоминать мало знакомыя имена.—Да, Сергѣй Александровичъ!..

— Здѣсь?.. спросилъ онъ у корридорнаго.

— Да, пожалуйте...

Алексѣй Петровичъ остановился. Странное чувство, то непріятное, почти тяжелое чувство, которое овладѣваетъ каждымъ передъ мало знакомою дверью, вдругъ, совершенно неожиданно охватило его.

Алексѣю Петровичу приходилось на своемъ вѣку отворять много дверей, и онъ умѣлъ отворять ихъ. Онъ былъ вовсе не изъ робкихъ и зналъ себѣ цѣну... И, что значила для него эта дверь номера уѣздной гостинницы!?..

— Тамъ, въ Петербургѣ... въ департаментѣ, онъ часто встрѣчалъ ихъ... Тамъ они были величинами микроскопически малыми... а здѣсь, здѣсь въ уѣздѣ!..

— Чортъ знаетъ что!.. перебилъ онъ самого себя, нажалъ ручку, и переступилъ порогъ съ апломбомъ истаго петербуржца, хотя уже одно то, что онъ вошелъ безъ доклада, коробило его.

Его очевидно не ждали, но приходъ его никого не удивилъ и, очевидно, никому не показался страннымъ: это было ясно изъ того, какъ его встрѣтили и какъ его знакомили съ

тѣми изъ присутствующихъ, съ которыми онъ не былъ еще знакомъ.

Правда, при его входѣ, игра на фортепіано прекратилась, и разговоръ порвался на полфразѣ, но, конечно, тоже самое было бы, если бы, вмѣсто него, вошелъ и всякій другой.

Онъ засталъ компанію, когда всѣ собирались садиться за чайный столъ.

— Ольга Павловна!.. представилъ его Дунинъ Ризвановой.—Нашъ постоянный старшина,.. добавилъ онъ послѣ обряда представленія.

— Я знаю... сказала она. Я видѣла васъ въ судѣ.

Алексѣй Петровичъ съ любопытствомъ оглядѣлъ ее.—Онъ много слышалъ о ней, и зналъ, что она въ уѣздѣ также случайно, какъ и онъ.—Она готовилась къ иной жизни, но влюбилась въ товарища прокурора, не безъ препятствій, вышла за него, и теперь разъѣзжаетъ съ нимъ по сессіямъ.

Корридорный назвалъ Алексѣю Петровичу не всѣхъ гостей, и въ числѣ ихъ была еще одна, незнакомая ему личность.

— Федоръ Захарычъ Феденко... отрекомендовалъ Дунинъ.

Про этого Алексѣй Петровичъ слышалъ тоже немало. Федоръ Захарычъ былъ мѣстный земецъ и, какъ говорится, мѣстный воротило.—Рано или поздно, Алексѣю Петровичу предстояло познакомиться съ нимъ и онъ былъ радъ, что знакомство случилось здѣсь, такъ сказать, на нейтральной почвѣ и совершенно случайно.

Кромѣ Дунина и Феденко, людей уже слегка пожилыхъ, и исправника, уже совсѣмъ старика, остальные члены компаніи отличались несомнѣнною молодостью.

Ольга Павловна распоряжалась за самоваромъ, какъ хозяйка, и видимо была въ кружкѣ хозяйкою—въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Вы чаю еще не пили?—обратилась она къ Алексѣю Петровичу, указывая ему мѣсто возлѣ себя.

— Пилъ...

— Но вмѣстѣ съ нами выпьете еще... перебила она его.

Алексѣй Петровичъ не отказался.—Ему бросилась въ глаза безукоризненная свѣжесть скатерти и чистота самовара.—Отъ него не укрылось, что лампа заправлена хорошо, что свѣчи горятъ не только въ ровныхъ, но и въ хорошо вычищенныхъ подсвѣчникахъ.—Онъ бросилъ быстрый взглядъ кругомъ.—Номеръ гостинницы былъ тотъ, да не тотъ.—Да, очевидно, жильцы умѣли приспособиться...

— Какой хорошій у васъ номеръ... сказалъ онъ Ольгѣ Павловнѣ, и почему то, поглядѣвъ ей въ лице, подумалъ: да кажется и сама ты тоже хорошая!..

Онъ окинулъ глазами и другихъ.—И другіе тоже кажется хорошіе!.. Его взоръ на секунду остановился на Федѣнкѣ... Странно, умное типичное и, безспорно, красивое лице этого послѣдняго не понравилось ему.

— Съ этимъ, кажется, подумалъ онъ по неуловимой ассоціаціи идей, придется столкнуться... Столкнуться по дѣламъ уѣзда... мелькнуло у него въ головѣ и чуть замѣтная улыбка скользнула у него на губахъ.

— Это вовсе не мой номеръ—отвѣчала Ольга Павловна. Мой рядомъ съ вашимъ, прибавила она, смѣясь... Это общая комната.—Когда мы пріѣзжаемъ, мы завладѣваемъ себѣ здѣсь залу, или, лучше сказать, гостинную... Это насъ очень устраиваетъ.

— Вы каждый разъ пріѣзжаете сюда... то есть, на каждую сессію? спросилъ Алексѣй Петровичъ...

— Да, почти на каждую.

— Ольга Павловна очень полюбила насъ, вставилъ Федѣнко.

— Ну, только ужъ не васъ!.. засмѣялась она.

Федѣнко тоже засмѣялся, но Алексѣю Петровичу показалось, что шутка несовсѣмъ понравилась ему

— Когда мужъ уѣзжаетъ, обратилась она снова къ Алексѣю Петровичу,—мнѣ приходится сидѣть дома одной...—Вамъ еще? спросила она у Веретеньева, подавшаго ей стаканъ.

— Да, попрошу.

Она пристально поглядѣла на него.

— Что съ вами сегодня?.. Вы какой то странный... Голова что-ли болитъ?..

— Нѣтъ, ничего.

— Такъ что-же вы такой?..

— Усталъ...

— Вы ѣдете завтра съ нами?..

— Нѣтъ...

— Знаете-ли, обратилась она къ Дунину, онъ положительно интересничаетъ... Ему хочется, чтобы его упрашивали... И мало того, добавила она, смѣясь, ему хочется, чтобъ именно я его попросила.

— Совсѣмъ нѣтъ, смѣялся въ свою очередь Веретеньевъ... У насъ здѣсь съ Федоромъ Захаровичемъ дѣло есть...

— Дѣло?!. переспросила она, какъ-бы удивленная и, очевидно, не вѣря.

— Да, дѣло!..

— Ужъ не повезетъ ли онъ васъ показывать вамъ свою земскую больницу...

Алексѣй Петровичъ не понималъ въ чемъ дѣло, но ему было ясно, что рѣчь о больницѣ была шпилькою.

— Нѣтъ, у насъ есть другое дѣло... вставилъ Феденко.

— А кстати, что больница?.. обратился къ нему Дунинъ, повидимому безъ всякой задней мысли.—Показывали вы ее губернатору?... добавилъ онъ совершенно просто.

— Показывалъ...

— И благополучно?..

— О, да!

— Ну, что-жъ?..

— Владиміра дадутъ, сказалъ Феденко, подчеркивая и какъ-то странно улыбаясь.

— Товаръ, значитъ, лицемъ представили...

— Да, ужъ какъ слѣдуетъ!..

Алексѣю Петровичу показалось, что Дунинъ подсмѣивается надъ Феденко, и что Феденко очень хорошо понимаетъ его, и бравируетъ...

— А я-бы на вашемъ мѣстѣ, началъ молчавшій до сихъ поръ исправникъ, такой больницы не строилъ бы...

— Ну, и остались бы безъ Владиміра,.. перебила его Ольга Павловна, очевидно совершенно для него неожиданно.

Всѣ засмѣялись и разговоръ порвался.

— Вы завтра уѣзжаете?—спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, мы завтра ѣдемъ къ Сергѣю Александровичу въ гости... Вѣдь завтра воскресенье—цѣлый день свободный, отвѣчала Ольга Павловна.—На охоту къ нему ѣдемъ, прибавила она, улыбаясь.

— На охоту?!.. переспросилъ ее Алексѣй Петровичъ.

— Да, на охоту.

— Вы—охотитесь?!..

— О, нѣтъ... Собственно на охоту ѣдутъ Сергѣй Александровичъ и Андрей Андреевичъ, а мы будемъ только присутствовать при охотѣ.

— Я не подозрѣвалъ, что вы охотникъ, обратился Алексѣй Петровичъ къ Дунину.

— Есть грѣхъ!... засмѣялся Дунинъ.

— И какой еще охотникъ!... вмѣшался Лубенскій.

— Былъ когда-то, поправилъ его Дунинъ.

— Какая же теперь охота? спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Теперь... теперь, съ борзыми... отвѣчалъ Лубенскій, котораго разговоръ очевидно началъ интересовать.

— И это очень весело, продолжала Ольга Павловна.— Они охотятся, а мы подлѣ нихъ ѣздимъ и все видимъ...

— Вы тоже верхомъ?..

— Нѣтъ, мы въ экипажѣ .. Мнѣ бы очень хотѣлось верхомъ, но мой муженекъ, засмѣялась она, самъ боится къ лошади подойти и меня не пускаетъ... Что Анна Андреевна, обратилась она къ Лубенскому, никогда съ вами верхомъ не ѣздила?..

— Жена?.. переспросилъ Лубенскій.

— Да...

— Верхомъ никогда, а въ шарабанѣ, когда мы охотимся недалеко отъ дома, очень часто... Она очень любитъ охоту...

— Вы охотитесь за зайцами?—спросилъ Алексѣй Петровичъ, чтобы что нибудь сказать.

— Какъ придется, травимъ и лисицъ, и волковъ... Завтра почти навѣрное будемъ волковъ брать...

Дунинъ сомнительно улыбнулся.

— Не улыбайтесь... Непремѣнно будемъ, продолжалъ Лубенскій, видимо воодушевляясь. Волки вѣрные!..

Дунинъ не спорилъ, но снова улыбнулся.

— Да, вѣрные... Третьяго дня теленка задрали почти подлѣ усадьбы!..

— А знаете-ли, начала Ольга Павловна, что интересно бы было посмотрѣть...

— Такъ чтожъ... Поѣдемте вмѣстѣ—и увидите!..

— Ну нѣтъ!.. вмѣшался Ризвановъ. Вы вѣдь завтра чуть свѣтъ отправляетесь... Слуга покорный!..

— Да, согласилась съ нимъ Ольга Павловна, немного подумавъ,—намъ рано не подняться...

Лучше такъ, какъ условились .. Поѣзжайте съ Андреемъ Андреевичемъ, а мы потомъ, попозже, пріѣдемъ.—Неправда-ли, обратилась она смѣясь къ Веретеньеву, такъ лучше будетъ?..

— Я вѣдь не поѣду...

— Пустое, поѣдете... Никакого у васъ тутъ дѣла нѣтъ... Все это пустяки!.. рѣшила она.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Дунинъ, вы спите завтра спокойно... До вашего пріѣзда мы волковъ не затравимъ...

Лубенскій только рукою махнулъ.

— Господа, кому еще чего?—сказала Ольга Павловна.— Вы хотите? спросила она Алексѣя Петровича.

— Позвольте еще стаканъ, сказалъ онъ. Признаюсь, я давно хорошаго чаю не пилъ. Мнѣ здѣсь вмѣсто чаю даютъ что-то, только похожее на чай,.. улыбнулся онъ.

— Да вы сами виноваты... Живете здѣсь цѣлую недѣлю и до сихъ поръ не зашли ни разу...

— Я право не зналъ... Я не рѣшался...

— И всѣ вечера вы проводили у себя въ номерѣ?..

— Да, въ номерѣ...

— Знаете, я бы съума сошла отъ тоски...

— Надо признаться, не веселился и я.

— Вы въ первый разъ присяжнымъ?

— Да, въ первый...

— Устали?..

— Нѣтъ, ничего...

— Больше соскучились?..

— Даже и этого сказать не могу. Вѣдь много дѣлъ было очень интересныхъ... Вотъ хоть бы нынѣшнее, напримѣръ...

Алексѣй Петровичъ замялся и замолчалъ. Когда, входя въ комнату, онъ на секунду остановился у двери, главное что смущало его, была мысль, что съ его приходомъ рѣчь зайдетъ о дѣлахъ, о присяжныхъ, объ имъ приговорахъ.— Это поставило бы его въ неловкое положеніе и это, во всякомъ случаѣ, могло случиться... Да, онъ боялся этого, и вдругъ самъ подошелъ къ опасному мѣсту и самъ заговорилъ о томъ, касаться чего ему такъ не хотѣлось.

Онъ съ удовольствіемъ взялъ бы свою фразу назадъ, но было уже поздно.—Ольга Павловна припоминала.

— Ахъ, да!—сказала она, сегодня вѣдь было дѣло о дѣтоубійцѣ... А что оправдали ее?.. обратилась она къ Дунину.

— Конечно.

Это короткое «конечно» крайне изумило Алексѣя Петровича. Этотъ приговоръ, который породилъ въ немъ столько недоразумѣній, столько колебаній, который такъ дорого стоилъ ему, вдругъ оказался такимъ обычнымъ и заурядnымъ, что про него не нашлось другого отзыва, какъ только тотъ, что конечно онъ и не могъ быть инымъ.

Алексѣй Петровичъ поглядѣлъ на Дунина и глаза ихъ встрѣтились. Ему показалось, что глаза Дунина смѣялись... Смѣялись также, какъ тогда, когда рѣчь шла объ ожидаемомъ Феденкою Владимірѣ.

— Только одинъ голосъ и былъ за обвиненіе, сказалъ Ризвановъ тономъ, какъ будто говорилъ о чемъ то всѣмъ извѣстномъ.

Еще болѣе удивленный Алексѣй Петровичъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ и снова посмотрѣлъ на Дунина.

Глаза ихъ снова встрѣтились. Глаза Дунина положительно

— Она созналась?—спросила Ольга Павловна.

— Да, отвѣчалъ Дунинъ, вѣдь онѣ всегда сознаются.

— Всегда?.. переспросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, всегда...

— И... началъ Алексѣй Петровичъ.

— И ихъ всегда оправдываютъ, докончилъ Дунинъ.

— Всегда... повторилъ самому себѣ Алексѣй Петровичъ, стараясь припомнить хотя бы одинъ газетный отчетъ.

— А кто былъ за обвиненіе? спросила Ольга Петровна у мужа, очевидно не придавая вопросу особеннаго значенія.

— Корягинъ?.. отвѣчалъ за него Дунинъ.

— Корягинъ?.. переспросила Ольга Петровна...

— Вы его не знаете, купецъ-лабазникъ... пояснилъ Дунинъ... Мѣстный Разуваевъ... прибавилъ онъ, тоже очевидно не придавая особеннаго значенія сказанному...

— Мѣстный Разуваевъ... невольно повторилъ самому себѣ Алексѣй Петровичъ.

— Къ вамъ вашъ кучеръ пришелъ,—доложилъ коридорный Лубенскому.

Лубенскій засуетился. — Такъ какъ-же, обратился онъ къ Дунину, вставая.—Никакихъ перемѣнъ не будетъ... Мы съ вами выѣзжаемъ чуть свѣтъ?..

Да, подтвердилъ Дунинъ. День вѣдь совсѣмъ небольшой... Приказывайте, чтобы онъ былъ готовъ какъ можно раньше.

— А вы, обратился онъ къ Ольгѣ Павловнѣ, поѣдете часовъ въ десять... Лошади у васъ уже заказаны?..

— Объ насъ не безпокойтесь,—отвѣчалъ за нее Ризвановъ. Лошади заказаны и будутъ у насъ раньше десяти.

— Такъ я такъ и прикажу—закончилъ Лубенскій и хотѣлъ выйти; но прежде чѣмъ онъ подошелъ къ двери,— ему вдругъ пришла мысль пригласить къ себѣ Алексѣя Петровича.

— Знаете ли... обратился онъ къ нему. Не поѣдете ли вы съ нами?..

Алексѣй Петровичъ такъ мало ждалъ приглашенія, что сразу не понялъ его.

— Не согласитесь ли вы поѣхать ко мнѣ?—пояснилъ Лубенскій... Вѣдь завтра вамъ цѣлый день придется просидѣть дома... Жена будетъ очень рада познакомиться съ вами...

— Я очень вамъ благодаренъ... Но, вѣдь вы собираетесь на охоту...

— Такъ чтоже? И вы съ нами поѣдете.

— Я никогда въ жизнь свою не охотился, сказалъ улыбаясь Алексѣй Петровичъ, вмѣсто отвѣта.

— Въ самомъ дѣлѣ, поѣдемте съ нами... вставила Ольга Павловна.

— Нѣтъ, съ вами Алексѣю Петровичу ѣхать нельзя, перебилъ ее Лубенскій. У васъ въ экипажѣ для него мѣста не будетъ, а у меня здѣсь большая коляска... Право, поѣдемте... Я вамъ ручаюсь, что мы непремѣнно волка возьмемъ, обратился онъ, смѣясь, къ Алексѣю Петровичу.

Алексѣй Петровичъ тоже улыбнулся. Перспектива взять волка вовсе не прельщала его, но въ тоже время ему пришла мысль, что просидѣть цѣлый день въ номерѣ тоже невесело.—Онъ видимо колебался.

— Отчего вамъ не поѣхать съ нами? сказалъ и Дунинъ.

— Вы ѣздите верхомъ?— спросилъ Лубенскій.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ...

— Совсѣмъ не ѣздите?.. и не ѣздили никогда?..

— О нѣтъ... Когда то я ѣздилъ, и даже кажется очень порядочно, но уже около пятнадцати лѣтъ я ни разу не сидѣлъ на лошади.

— Это ничего не значитъ... уговаривалъ Лубенскій.

— Но, помилуйте, скакать, травить...

— Да зачѣмъ-же!.. этого вовсе не надо... Я дамъ вамъ хорошую, смирную лошадь... При васъ будетъ человѣкъ съ собаками... Онъ будетъ и скакать, и травить, а вамъ иначе какъ шагомъ, да если захотите рысцей, ѣздить вовсе и не зачѣмъ...

— Соглашайтесь... сказала Ольга Павловна. Мы чудесно проведемъ день—за это я вамъ ручаюсь...

— Но у меня и костюма подходящаго нѣтъ, отговаривался Алексѣй Петровичъ, однакоже видимо сдаваясь...

— Объ этомъ не безпокойтесь... У меня найдется все что надо, настаивалъ Лубенскій.—Мы одѣнемъ васъ настоящимъ охотникомъ...

Приглашеніе было очень радушное—Алексѣй Петровичъ сдался.

— Я надѣлаю вамъ много хлопотъ... сказалъ онъ,—но очевидно только для очистки совѣсти.

— Никакихъ... повторяю вамъ, жена будетъ очень рада познакомиться съ вами.

— Очень благодаренъ вамъ.

Предложеніе было принято.—Въ самомъ дѣлѣ, не сидѣть же въ этомъ ужасномъ номерѣ...

— Такъ значитъ такъ—снова обратился Лубенскій къ Дунину,—мы выѣзжаемъ съ разсвѣтомъ, пріѣзжаемъ ко мнѣ и охотимся вдвоемъ, то бишь—втроемъ, поправился онъ, бро-

сая улыбку Алексѣю Петровичу.— Беремъ поле и дѣлаемъ привалъ... На привалѣ барыни со всею компаніею присоединяются къ намъ, и потомъ снова поле съ барынями...

— Такъ,—потвердилъ Дунинъ.

Лубенскій вышелъ, чтобы сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

— Ну, а теперь я попрошу извиненія, сказалъ Дунинъ, тоже вставая. Мнѣ надо пойти къ себѣ, кое-чѣмъ заняться... Вы намъ нынче ужинать дадите?.. обратился онъ къ Ольгѣ Павловнѣ.

— Да, ужинъ будетъ.

— Такъ, черезъ часъ, черезъ полтора?..

— Да...

— Я черезъ часъ возвращусь... Даже скорѣе...

Алексѣй Петровичъ тоже поднялся.

— Куда же вы?.. остановила его Ольга Павловна. Посидите съ нами... Поужинаемъ вмѣстѣ.

Алексѣй Петровичъ замялся.

— Останьтесь, повторила она. Мы съ вами потолкуемъ... Господа кавалеры вѣроятно въ карты сядутъ играть.

— Да, мы хотимъ маленькую составить... отозвался Ризвановъ.

— Я такъ и думала... улыбнулась Ольга Павловна.—А вы играете въ карты?..

— Да, играю, но рѣдко...

— Въ стуколку?.. спросилъ какъ-то нерѣшительно Ризвановъ.

— Нѣтъ-съ... въ стуколку никогда не игралъ.

— Жаль, а намъ пятаго партнера не хватаетъ... продолжалъ Ризвановъ, разставляя столъ.

— Какъ?.. Да вѣдь васъ пятеро?!.. сказала Ольга Павловна.

— Я не буду играть—отозвался Веретеньевъ.

Ольга Павловна съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Голова дѣйствительно болитъ... сказалъ онъ.

Она видимо не повѣрила ему и пожала плечами.

Алексѣю Петровичу показалось, что она была недовольна.

— Съиграемъ и вчетверомъ, сказалъ Феденко и взялъ карту.

— Да, но это уже не то... продолжалъ Ризвановъ.—А можетъ быть присядете?.. обратился онъ къ Алексѣю Петровичу.—Ему, очевидно, сильно хотѣлось завербовать пятаго партнера.

— Никогда не игралъ... Понятія не имѣю...

— Мы научимъ!.. вставилъ Феденко, садясь за столъ.

— Да, особенно вы, засмѣялся исправникъ.—Вамъ только попадись въ руки, такъ вы, дѣйствительно, научите.

Феденко самодовольно улыбнулся.

У Алексѣя Петровича мелькнула странная мысль, что объиграть его было бы очень пріятно...

— Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ... Поучитесь, сказалъ ему Феденко, игра нехитрая...

Алексѣй Петровичъ чуть чуть не согласился, но сдержалъ себя и отказался.

Знаете ли что... сказала Ольга Павловна, я тоже уйду къ себѣ на нѣсколько минутъ, мнѣ надо написать письмо... а вы садитесь подлѣ нихъ и смотрите... Я увѣрена, что вы сейчасъ поймете въ чемъ дѣло... Признаюсь, мнѣ бы хотѣлось, чтобы кто нибудь объигралъ Федора Захаровича... Онъ всегда обираетъ ихъ...

— И какъ еще обираетъ... вздохнулъ исправникъ.

— Я сейчасъ возвращусь... повторила Ольга Павловна, обращаясь снова къ Алексѣю Петровичу, какъ-бы извиняясь, и вышла.

Алексѣй Петровичъ усѣлся подлѣ игроковъ и внимательно слѣдилъ за начавшейся игрою. Возвратившійся Лубенскій тоже игралъ и старательно объяснялъ ему правила игры. Ему, очевидно, тоже хотѣлось пріобрѣсть въ немъ пятаго игрока.

Алексѣй Петровичъ рѣдко игралъ въ карты, но игралъ весьма порядочно.—Онъ, дѣйствительно, никогда не игралъ въ стуколку, но это не была игра вовсе ему незнакомая. Когда было разъиграно нѣсколько игръ, онъ вполнѣ понялъ ея нехитрую механику.

— Не надо только рисковать, и выигрышъ обезпеченъ... рѣшилъ онъ.

— Ну что же?.. обратился къ нему Ризвановъ... Не присядете?.. Право, вчетверомъ ничего не выходитъ!..

Игра вовсе не нравилась Алексѣю Петровичу и онъ хотѣлъ отказаться.

— Не рѣшаетесь?.. спросилъ его Феденко.

Алексѣй Петровичъ передумалъ и согласился.

— Не надо только рисковать, и выигрышъ обезпеченъ... повторилъ онъ самому себѣ.

Съ пятымъ игрокомъ игра, дѣйствительно, пошла совсѣмъ иначе и разомъ оживилась. Нѣсколько сдачъ и на столѣ собралась порядочная кучка некрупныхъ ассигнацій.

— Досадно... пасъ!—сказалъ Ризвановъ.

Исправникъ и Лубенскій тоже спасовали.—Феденко купилъ.—Алексѣй Петровичъ хотѣлъ бросить карты.

— Какъ, вы тоже?!.. остановилъ его Лубенскій.

— А что?..

— Да Федоръ Захарычъ даромъ все заберетъ!..

— Ахъ, да... Въ самомъ дѣлѣ!.. проговорилъ Алексѣй Петровичъ и задумался.

Крѣпко зажавъ карты въ рукѣ и, видимо, стараясь сдѣлать свою физіономію непроницаемою, Феденко поднялъ голову и глядѣлъ въ потолокъ, но невольная улыбка, та самая улыбка, которою онъ улыбался, когда говорилъ о томъ, что ему дадутъ Владиміра, играла на его губахъ, и выдавала его.

— Не отдамъ... ни за что не отдамъ!.. подумалъ Алексѣй Петровичъ.

— Куплю, сказалъ онъ—и поставилъ ремизъ.

Четверикъ маленькихъ, но бойкихъ и ладно подобранныхъ лошадокъ идетъ на полныхъ рысяхъ.—Въ щегольской дубленкѣ на распашку, въ низенькой шляпѣ съ павлинымъ перомъ, съ большою серебряною серьгою въ ухѣ, фертомъ, по ямщицки—бокомъ, сидитъ на козлахъ кучеръ-подростокъ. Какъ истый лихачъ сгребъ онъ возжи подъ лѣвую руку, и правой играетъ по нимъ, какъ по струнамъ.—Четверикъ забираетъ все бойче и бойче; отъ времени до времени пристяжныя срываютъ вскачь.—Мягкія рессоры коляски качаютъ и баюкаютъ.

Алексѣй Петровичъ доволенъ, что принялъ предложеніе.—Правда, ему странно подумать, что онъ ѣдетъ на охоту, но съ другой стороны, почему не замѣнить слово «охота» словомъ partie de plaisir. Это не будетъ грѣшить противъ истины, а кто-же не учавствовалъ во всевозможныхъ parties de plais' ирахъ... Во всякомъ случаѣ, это гораздо лучше, чѣмъ просидѣть день въ его номерѣ.

Онъ чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ.—Легкій утренникъ чуть-чуть морозитъ его лицо. Отъ времени до времени его всего рхватываетъ холодомъ и пріятная дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу. Онъ крѣпче закутывается въ шинель и чувствуетъ себя еще лучше. Онъ вполнѣ доволенъ, что не остался дома.

Его спутники, очевидно, тоже чувствуютъ себя хорошо. Лубенскій сидитъ противъ него на передней скамьѣ. Онъ въ чемъ то въ родѣ дубленки и тоже на распашку. Его молодое, симпатичное лицо румянится морозомъ и брызжетъ здоровьемъ. Онъ веселъ, счастливъ и видимо возбужденъ.—Дунинъ тоже не тотъ, что былъ вчера.—Его обычной сдержанности нѣтъ

и слѣда.—Всю дорогу они говорятъ безъ умолку и Алексѣй Петровичъ ждетъ, что они поспорятъ.

— У охотниковъ, кажется, безъ этого и не обходится; думаетъ онъ, улыбаясь.

Онъ прислушивается къ каждому ихъ слову; но въ разговоръ не вмѣшивается.

— Врядъ-ли возьмутъ?! замѣчаетъ Дунинъ, сомнительно качая головою.

— Соколъ и Рогдай!.. восклицаетъ Лубенскій,—непремѣнно возьмутъ, вѣдь брали-же...

— Матераго?!.

— Да, матераго...

— Въ угонъ...

— Ну, ужъ и въ угонъ!.. А впрочемъ, что-жъ!.. Случись, такъ и въ угонъ возьмутъ!..

Дунинъ не споритъ; но не скрываетъ, что онъ сильно сомнѣвается...

— Вы съ ними и поѣдете, спрашиваетъ онъ.

— Да съ ними.

— А я съ тѣми-же, что и въ прошломъ году ѣздилъ?..

— Да съ тѣми.—Я вамъ опять Ивана дамъ.

— А Алексѣю Петровичу?..—продолжаетъ спрашивать Дунинъ.

— А ему Ваньку съ Лихачемъ и Стрѣлкою, да еще прибавлю имъ на свору Удара.

— Это зачѣмъ же?..

— На случай ежели волкъ... Лихачу одному съ нимъ ничего не подѣлать, а Стрѣлка, вы сами знаете, она и зайца вѣдь рѣдко беретъ...

— Да... А жаль, рѣзвая собачка... Лошадь тоже прежнюю дадите?

— Да, прежнюю.

— А Алексѣю Петровичу?..

Лубенскій отвѣтилъ не сразу.

— Видите-ли, началъ онъ, немного подумавъ,—Алексѣю Петровичу я хочу Катка дать.

— Катка?! переспросилъ Дунинъ съ очевиднымъ удивленіемъ.

Алексѣй Петровичъ, какъ говорится, насторожилъ ухо.

— Да, Катка—повторилъ Лубенскій.

Да, вѣдь онъ у васъ самый что ни на есть скакунъ?..

— Да, самый что ни на естъ скакунъ...

— Такъ какъ-же такъ?!..

Алексѣй Петровичъ счелъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же мнѣ такого. Мнѣ вовсе такого не надо—сказалъ онъ, улыбаясь своею обычною улыбкой.

— Вы мнѣ дайте лошадку потише и посмирнѣе.

— Да въ томъ то и дѣло, что Катокъ смирнѣе всѣхъ.— Поэтому я и думаю дать его вамъ... На немъ ребенку можно ѣхать, особенно если не скакать...

Алексѣй Петровичъ вовсе не имѣлъ намѣренія скакать и началъ успокоиваться.

— Только...

Алексѣй Петровичъ снова встревожился.—Онъ хотѣлъ имѣть лошадь безъ всякихъ только.

— Что только?

— Только бить его нельзя... Ударите разъ, ужъ тогда несправитесь... Унесетъ.

— Ну бить то я не стану—сказалъ Алексѣй Петровичъ, вполнѣ успокоенный—я вѣдь шажкомъ да рысцею...

— А скакать ни, ни?.. переспросилъ его Дунинъ, улыбаясь.

— Ни, ни!.. подчеркнулъ Алексѣй Петровичъ, отвѣчая улыбкою на улыбку.

Разговоръ на минуту порвался.

— А я вотъ не могу... проговорилъ немного спустя Лубенскій, какъ бы въ раздумьи.

Его не поняли.

— Чего не можете?..

— А не скакать... отвѣтилъ онъ какъ-то скромно и какъ бы жалуясь.

Алексѣй Петровичъ и Дунинъ невольно улыбнулись.

— Ну, этому я вполнѣ вѣрю—засвидѣтельствовалъ Дунинъ.

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь... Иногда вѣдь, дѣйствительно, и шею можно сломать... продолжалъ Лубенскій прежнимъ тономъ.

— И знаете-ли, съ вами это можетъ случиться скорѣе, чѣмъ съ кѣмъ либо другимъ...

— Вотъ въ томъ то и дѣло!..

— А вы бы сдерживались...

— Не могу... Въ томъ и суть вся, что не могу... Все время думаю объ этомъ, а какъ начнется дѣло!.. Лубенскій характерно махнулъ рукой.

— То есть, какъ это дѣло?.. вставилъ Алексѣй Петровичъ, очевидно не совсѣмъ понимая.

— А вотъ какъ начнутъ его доспѣвать... Вотъ, вотъ... а онъ верть... Собаки въ одной сторонѣ, а онъ, смотришь, чортъ знаетъ уже гдѣ, въ другой... Улю—лю, улю—лю!..

а онъ опять, да опять... Да къ лѣсу, бестія... Все къ лѣсу; къ самому лѣсу!..

— Ну...

— Ну, ужъ какія тутъ разсужденія!—закончилъ Лубенскій и снова махнулъ рукою.—Вася, а, Вася—обратился онъ совершенно неожиданно къ кучеру.—Никакъ ты спишь!..

— Я-то!.. ухмыльнулся Вася съ козелъ.

— Трогай!.. Совсѣмъ истомилъ!..

— Эхъ, вы!!..

Четверикъ забираетъ все крѣпче и крѣпче и мчится съ захватывающею духъ быстротою.—Разговоръ болѣе не возобновляется и спутники только переглядываются и, молча, мѣняются улыбками.

Алексѣй Петровичъ думаетъ, что можно сломать шею и прежде, чѣмъ начнется дѣло.

Черезъ четверть часа коляска остановилась у подъѣзда барскаго, очевидно богатаго, очевидно еще отцами построеннаго дома.—Хоръ, сомкнутыхъ уже, гончихъ привѣтствовалъ пріѣхавшихъ руладою, какой Алексѣю Петровичу слышать еще не приходилось.—Нѣсколько борзыхъ красавцевъ встрѣтили Лубенскаго съ панибратствомъ большихъ пріятелей.

Ранній пріѣздъ гостей не произвелъ безпорядка. Ихъ ждали, да, очевидно, ранніе гости не были въ домѣ явленіемъ необычнымъ. Несмотря на то, что былъ всего лишь восьмой часъ, имъ подали легкій, холодный, хорошо сервированный завтракъ и Алексѣй Петровичъ съ удовольствіемъ выпилъ стаканъ чаю.

— Не-безпокоимъ ли мы вашу супругу?—обратился онъ къ Лубенскому.

— О нѣтъ... Она уже не спитъ... Она извиняется передъ вами... Она теперь не выйдетъ... Вы познакомитесь съ нею на привалѣ. Она непремѣнно пріѣдетъ...

Дверь отворилась, и на порогѣ показалась фигура рослаго сѣдого старика въ охотничьемъ костюмѣ, съ арапникомъ въ рукахъ и съ большимъ рогомъ черезъ плечо.

— А вотъ и Иванъ Трофимычъ... Рекомендую, обратился Лубенскій къ Алексѣю Петровичу,—нашъ доѣзжачій и всему дѣлу голову!

Иванъ Трофимовичъ степенно поклонился Алексѣю Петровичу и поздоровался съ Дунинымъ, какъ съ человѣкомъ уже знакомымъ.

— Готово-съ... доложилъ онъ, обращаясь къ Лубенскому.

Лубенскій подошелъ къ шкафу, досталъ графинъ съ водкой и, наливъ порядочный стаканчикъ, поднесъ его Ивану Трофимычу.

Иванъ Трофимычъ молча выпилъ и слегка крякнулъ.

— Такъ я поѣду—обратился онъ къ Лубенскому, очевидно и не думая о закускѣ.

— Поѣзжай, поѣзжай... Мы сейчасъ будемъ!..

Иванъ Трофимычъ попрежнему степенно поклонился и направился къ двери.

— А волки будутъ?.. остановилъ его Дунинъ.

— Волки... повторилъ онъ, останавливаясь, и ухмыльнулся.—Должны быть... Сергѣй Александровичъ сказываютъ, что будутъ!.. прибавилъ онъ, не переставая ухмыляться, и вышелъ.

— Оригиналъ—замѣтилъ Дунинъ ему вслѣдъ.

— И, какъ кажется, большой—согласился Алексѣй Петровичъ, на котораго эпизодъ съ водкой произвелъ замѣтное впечатлѣніе.—Онъ всегда такъ?—обратился онъ къ Лубенскому.

— Всегда... Это у насъ заведенный порядокъ.

— Надо правду сказать, вставилъ Дунинъ, онъ Сергѣя Александровича въ рукахъ держитъ...

— Есть грѣхъ, согласился Лубенскій, смѣясь. Да вѣдь нельзя... Человѣкъ золотой и какой охотникъ.

— Да, на этотъ счетъ мастеръ!

— Вѣдь имъ вся охота держится...

— Еще бы...

— Ужасно волей недоволенъ, прибавилъ Лубенскій, снова улыбаясь...

— Что такъ?.. полюбопытствовалъ Алексѣй Петровичъ.

— Какъ, говоритъ, эта воля подошла—ни одной настоящей борзой не стало... Всѣхъ перевела...

— А пожалуй и правда, засмѣялся Дунинъ.

Алексѣй Петровичъ очень боялся, чтобы его не нарядили шутомъ. Но, когда на него надѣли все, что считалось необходимымъ для приспособленія его къ обстоятельствамъ минуты, онъ, къ большому своему удовольствію, увидѣлъ себя въ костюмѣ весьма приличномъ; хотя, очевидно, и не совсѣмъ охотничьемъ.

Когда подвели къ нему Катка и онъ окинулъ его взглядомъ человѣка, кое-что понимающаго въ лошадяхъ, онъ тоже ничего не нашелъ ничего противъ него.

— Лошадка, какъ видно, шустрая, подумалъ онъ; но, кажется, онъ справится съ нею.

Они выѣхали со двора.—Утро было мягкое, тихое. Чуть примѣтный вѣтерокъ обдавалъ пріятной, легкой осенней прохладою.

— А день, то какой!.. Денекъ какой выдался!.. Какъ по заказу!... восхищался Лубенскій.

Алексѣй Петровичъ тоже былъ доволенъ. Хорошее настроеніе духа, навѣянное быстрой и удобной ѣздою не проходило, и онъ чувствовалъ себя по прежнему очень хорошо, хотя экстренность его положенія и озадачивала его. Да, онъ былъ вполнѣ доволенъ; но все-же ему было трудно примириться съ мыслію, что онъ, верхомъ на смирномъ и тихомъ, но тѣмъ не менѣе, какъ его предупредили, на лихомъ скукунѣ, окруженный лихими наѣздниками и сворами собакъ, ѣдетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ травить, или, какъ они говорятъ, брать волка.

Улыбка не сходила съ его лица.—Онъ пожималъ плечами и не переставалъ оглядываться кругомъ, окидывая, окружающихъ его, людей, лошадей и собакъ такими взглядами, какъ будто сомнѣвался—не сонъ-ли все это?!..

И вдругъ ему почему то пришла мысль, которую онъ оригинально срезюмировалъ однимъ словомъ—«уѣздъ»!

— Да, уѣздъ!.. повторялъ онъ, и снова улыбался.

Впрочемъ, относясь крайне критически къ самому себѣ, онъ, въ концѣ концевъ, долженъ былъ сознаться, что спутники его, во всякомъ случаѣ, представляли собою группу довольно эффектную.—Дунинъ сидѣлъ на лошади спокойно и увѣренно. Онъ казался гораздо моложе своихъ лѣтъ и вовсе уже не тѣмъ усталымъ и разбитымъ, какимъ привыкъ видѣть его Алексѣй Петровичъ на его предсѣдательскомъ мѣстѣ. Его спокойные черные глаза смотрѣли тѣмъ-же задумчивымъ глубокимъ взглядомъ; но за этимъ взглядомъ свѣтилось что-то новое... Что-то вовсе неспокойное.—О Лубенскомъ нечего и говорить. Съ парою бѣлыхъ богатырей на сворѣ, на строгомъ и стройномъ жеребцѣ, въ маленькой бараньей шапкѣ, съ туго перетянутой тальею, съ рогомъ черезъ плечо, съ лицемъ сіяющимъ довольствомъ, онъ выглядѣлъ положительно красавцемъ.—Два охотника, ѣхавшіе сзади со сворами собакъ, дополняли картину.—Оба юноши, одинъ почти ребенокъ, они, тѣмъ не менѣе, сидѣли въ сѣдлахъ, какъ у себя дома, и одного взгляда на ихъ типичныя, загорѣлыя лица, было достаточно, чтобы понять, что страсть успѣла уже захватить ихъ.

Они ѣхали рядомъ и перекидывались фразами, судя по тону, далеко не дружелюбными.

— Кажется ссорятся,—шепнулъ, улыбаясь, Лубенскій. Вѣдь вотъ—продолжалъ онъ, дома пріятели, а на охотѣ вѣчно ругаются.

— Что-же это, соревнованіе... счелъ нужнымъ заинтересоваться Алексѣй Петровичъ.

— Да, пожалуй... Видите-ли, собаки у нихъ разныя.— У одного псовыя—берутъ на короткѣ... Ну, а у другого крымки—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... Одного тянетъ все къ лѣсу, да къ полянкѣ, а другого въ степь... Поѣдемъ по однимъ мѣстамъ—одинъ торжествуетъ; по другимъ—другой, а въ концѣ концевъ всегда бранятся.

Алексѣй Петровичъ не совсѣмъ понялъ, въ чемъ дѣло; но былъ убѣжденъ, что причины для антогонизма были основательныя.—Собаки разныя... Онъ поглядѣлъ и только теперь замѣтилъ, что дѣйствительно, двѣ собаки, бывшія на сворѣ у болѣе юнаго изъ соперниковъ, были совсѣмъ не такія, какъ всѣ другія. Темносѣрыя,—всѣ остальныя были или бѣлыя, или бѣлыя съ пятнами,—онѣ были гораздо меньше, и, такъ сказать, жиже всѣхъ другихъ, и далеко не такъ красивы.

— Нынче Волченокъ вѣрно злится... продолжалъ тѣмъ же тономъ Лубенскій.

— Да?..

— На волка ѣдемъ, ну, а ему, съ его собаками съ волкомъ и дѣлать нечего...

Андрей Петровичъ невольно улыбнулся.—Рѣчь шла про тѣхъ самыхъ собакъ, которыя предназначались для его охоты... Но, конечно, онъ понималъ, что такъ и слѣдовало быть и вовсе не былъ намѣренъ претендовать.

— Положимъ, я ему на свору прибавилъ третьяго, надежнаго пса... Но это все ужъ не то... продолжалъ Лубенскій съ чарующей наивностью.

— Конечно, конечно!... соглашался Алексѣй Петровичъ.— Онъ готовъ былъ расцѣловать его.

Голоса сзади дѣлались все громче и рѣзче.—Лубенскій счелъ нужнымъ вмѣшаться въ дѣло.

— А вы ужъ того!.. обратился онъ къ спорящимъ, слегка осаживая лошадь и голосомъ, дѣланная строгость котораго плохо гармонировала съ выраженіемъ его лица.—Минуты не вытерпите, чтобъ не побраниться!..

Спорщики смолкли и насупились.

— И ужъ вѣрно ты, Волченокъ, началъ... Навѣрное ты...

— Вы всегда на меня, огрызнулся Волченокъ, очевидно, вовсе неиспуганный.—Онъ всю дорогу ругается... Какъ есть всю...

— Хорошъ и ты Иванъ!..

— Да его, Сергѣй Александровичъ, не то что ругать, его бить надо!.. не спасовалъ и Иванъ.

— Да, бить... Руки не выросли, снова огрызнулся Волченокъ.

— Вы извольте подумать, продолжалъ Иванъ, не обращая никакого вниманія на реплику,—на какія онъ штуки пускаться началъ... Свору мнѣ нынче подмѣнить вздумалъ... Я къ нему, такъ еще и не отдаетъ... Пока Иванъ Трофимычъ не прикрикнулъ...

— Какъ такъ?.. заинтересовался Лубенскій.

— Да такъ... Вы извольте полюбопытствовать какая у него свора... Въ какомъ она у него порядкѣ... Рваная, узелками связанная... Ну и понадобилась чужая...

— А собака то у меня чья!.. Собака чья!.. очевидно нашелся Волченокъ.—Собака твоя, и свора твоя...

— Ну это ты врешь... Свора у тебя своя должна быть въ порядкѣ!

— Она и есть въ порядкѣ... Кабы собаки мои, такъ и она бы годилась... Мои собаки хоть и безъ своры... А вы, Сергѣй Александровичъ, сами знаете Вдара... На лазу вѣдь все время на дыбошкахъ... Ему развѣ такую свору надо... Ему канатъ!..

— У тебя своя должна быть... горячится Иванъ.

— Вѣдь этакую дубину развѣ легко сдержать... продолжаетъ свое Волченокъ.

— Дубину, дубину... захлебывался Иванъ.

— Чтожъ... Дубина и есть!.. Пыхачъ!.. прибавляетъ Волченокъ.

— У дьяволъ!..

— Пыхачъ!.. Пыхъ, пыхъ, да и сталъ!.. Подавай воды напиться!.. и Волченокъ разражается громкимъ саркастическимъ хохотомъ.

Иванъ очевидно выбитъ изъ сѣдла и не знаетъ, что прибрать...

— А то, какъ съ хваленой Стрѣлкой... по пяти верстъ удить...

— Чтожъ, хоть десять...

— А и доспѣетъ... носомъ ткнетъ, а не возьметъ... Тыкъ, да тыкъ!..

— А ты видѣлъ?..

— Видѣлъ!..

— Вѣдь ты съ Вдаромъ позади... такъ какъ же видѣлъ?!..

— Я позади!..

— Позади...

— Да, я твою Стрѣлку...

— Ну...

— Съ ушей оборву!..

— Стрѣлку?!..

— Стрѣлку!..

— Стрѣлку?!.. переспрашиваетъ Волченокъ.

— Стрѣлку!.. выкрикиваетъ Иванъ еще разъ.

— На!.. заканчиваетъ Волченокъ неожиданнымъ кукишемъ и снова заливается побѣдоноснымъ хохотомъ.

Лубенскій находитъ необходимымъ серьезное вмѣшательство, и кое какъ приводитъ стороны къ порядку...

— А вотъ и Иванъ Трофимычъ, указываетъ Дунинъ.

Дѣйствительно на пригоркѣ, недалеко отъ опушки большого, довольно высокаго лѣса, показалась стая, съ Иваномъ Трофимычемъ во главѣ.

Лубенскій тронулъ лошадь, и вся кавалькада пошла на рысяхъ.

Катокъ шелъ ровно и плавно и Алексѣй Петровичъ чувствовалъ себя въ сѣдлѣ вполнѣ хорошо.

— Чтожъ, коли на волка, такъ здѣсь начинать надо— обратился Иванъ Трофимычъ къ Лубенскому голосомъ, который вполнѣ убѣдилъ Алексѣя Петровича, что говорящій не уроженецъ юга, какъ всѣ другіе.

— Да, да... Будемъ начинать!.. заторопился Лубенскій.

— Такъ заѣзжайте,.. сказалъ Иванъ Трофимычъ.—Вы становитесь, продолжалъ онъ съ видимо привычнымъ авторитетомъ,—какъ мысокъ проѣдете... Иванъ съ предсѣдателемъ пусть подальше спустятся... Ну, а Калмыкъ...

— Съ генераломъ... подсказалъ Лубенскій.

— Съ его превосходительствомъ, идетъ съ этой стороны... закончилъ Иванъ Трофимычъ.

Алексѣй Петровичъ подумалъ, что было бы лучше, если бы его звали какъ нибудь короче... Но, завести объ этомъ рѣчь— еще хуже выйдетъ, и онъ смолчалъ.

Охотники разъѣхались.

Алексѣй Петровичъ съ его молодымъ стремяннымъ отправились по указанному направленію.

— Калмыкъ, Калмыкъ!.. окликнулъ Иванъ Трофимычъ Волченка, прежде чѣмъ они отъѣхали нѣсколько шаговъ.

— Вы тоже пониже спускайтесь, а только не на ту сторону... Слышишь, чтобы твоего тамъ и виду не было!.. и Иванъ Трофимычъ энергично погрозилъ арапникомъ...

— Да, знаю!..

— Тото-же знаю!.. Иванъ Трофимычъ повернулъ лошадь, и чрезъ минуту, вмѣстѣ со стаею скрылся за пригоркомъ.

— Волченокъ, Калмыкъ?!.. повторялъ про себя Алексѣй Петровичъ.—Да тебя какъ же звать?—обратился онъ къ спутнику.

— Меня?—переспросилъ тотъ.

— Да..

— А Ванькой...

— То есть Иваномъ...

— Нѣтъ-съ... Иванъ съ предсѣдателемъ поѣхалъ—отвѣчалъ юноша совершенно просто.

— А Калмыкъ, это что же такое?.. Фамилія, что-ли?..

— А это меня же такъ прозываютъ... Иванъ Трофимычъ выдумали... Я все съ ними ѣзжу, указалъ на собакъ... Баринъ говоритъ, что это крымки, а Иванъ Трофимычъ, что калмычки... Ну, и меня, значитъ, по нимъ Калмыкомъ зоветъ...

— А Волченкомъ?..

— И Волченкомъ тоже меня... Какъ придется!..

Алексѣй Петровичъ хотѣлъ было спросить, почему именно Волченкомъ; но не спросилъ и только улыбнулся. Характерная, живая и плутоватая физіономія его спутника говорила сама за себя.—Кличка Волченка, дѣйствительно, шла къ нему какъ нельзя лучше...

Алексѣй Петровичъ поглядѣлъ на него еще разъ, и снова улыбнулся.

— Странно подумалъ онъ, а и «Калмыкъ» тоже идетъ. Они заняли мѣсто.

— Здѣсь... Сюда пожалуйте!.. указывалъ Ванька, быстро раскидывая по сторонамъ своими юркими глазами.

— А, какъ видно, понимаетъ дѣло!—подумалъ про него Алексѣй Петровичъ.

— Тебѣ сколько лѣтъ?.. спросилъ онъ.

— Семнадцать.

— Семнадцать!?.. повторилъ Алексѣй Петровичъ; Ванька выглядывалъ совсѣмъ мальчикомъ, и Алексѣй Петровичъ думалъ, что ему гораздо меньше.

— Я уже третій годъ, какъ школу кончилъ, сказалъ Ванька съ улыбкой.

— А охотишься уже давно?..

— Давно... Баринъ вѣдь безъ меня никуда, прибавилъ онъ не безъ апломба.

— Вотъ что... То-то ты и шустрый такой!.. подумалъ Алексѣй Петровичъ.

Разговоръ порвался.—Алексѣй Петровичъ досталъ сигару и закурилъ.

Ванька искоса поглядывалъ ва него, видимо недовольный.—Это забавляло Алексѣя Петровича. Онъ понималъ въ чемъ дѣло, но продолжалъ курить.—Онъ надѣялся, что бѣды изъ этого не выйдетъ...

Прошло нѣсколько минутъ.

— А только не будетъ!.. началъ Ванька, какъ бы отвѣчая на свои думы и, видимо, желая завязать разговоръ.

— Кого не будетъ?

— А волка...

— Мг... намекъ на сигару—подумалъ Алексѣй Петровичъ, затягиваясь.

— Что такъ?.. спросилъ онъ улыбаясь.

— Не такимъ нашъ Иванъ Трофимовичъ выглядываетъ... Если-бы и въ самомъ дѣлѣ волки, такъ развѣ онъ такимъ бы былъ!..

— Не такимъ бы... подсказалъ Алексѣй Петровичъ.

— Нѣтъ... Онъ бы тутъ вотъ какъ старался... Совсѣмъ, видно, не ждетъ.

— А если онъ не ждетъ... снова подсказалъ Алексѣй Петровичъ.

— Значитъ и не будетъ—докончилъ Ванька.—Да это все Иванъ сдуру взболамутилъ.

— А Иванъ Трофимычъ понимаетъ дѣло?..

— Иванъ то Трофимычъ?.. переспросилъ Ванька и поглядѣлъ на него въ упоръ, какъ бы огорошенный вопросомъ.

— Да.

— Онъ у насъ на весь округъ... Господа иной разъ съѣдутся, заспорятъ... Онъ слово скажетъ, всѣ и замолчатъ...

— Вотъ какъ!.. А онъ у васъ давно?..

— Его покойникъ баринъ еще мальчикомъ купилъ.—На охотѣ и купилъ... Онъ вѣдь не изъ здѣшнихъ... Покойникъ баринъ гдѣ-то въ гостяхъ на охотѣ былъ.—Гдѣ то далеко... Онъ ему и понравился.—Матераго при немъ сострунилъ...

— Сострунилъ?.. невольно переспросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, живого, значитъ, взялъ.—Баринъ его тутъ-же и купилъ.—Иванъ Трофимычъ говоритъ—дорого за него далъ.

— И съ тѣхъ поръ онъ у васъ?

— Съ тѣхъ поръ.—Говорятъ, какъ воля настала, такъ его многіе господа сманивали,—не пошелъ.

— Да?..

— И житье же ему тутъ... Баринъ ему слова никогда не скажетъ... Ужъ на что не любитъ, чтобы водку пили, а ему всегда самъ подноситъ...

— А онъ любитъ?..

— И, и!!.—засмѣялся Ванька. Иной разъ его барыня начнетъ уговаривать...

Ванька оборвалъ на полъ-словѣ и началъ прислушиваться.

Прошло около минуты.

— Чтожъ онъ?—спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да ничего, продолжалъ Ванька, снова обращаясь къ прежнему тону.—Я, говоритъ, безъ нея не могу... Да и пьянымъ я не бываю, такъ и разсказывать объ этомъ нечего.

— А пьянымъ не бываетъ?..

— Нѣтъ, никогда...

— А собакъ любитъ?—спросилъ Алексѣй Петровичъ, очевидно, чтобы поддержать разговоръ. Собесѣдникъ интересовалъ его все болѣе и болѣе.

— Страсти... Особенно гончихъ... И ѣстъ, и спитъ съ ними.

— А борзыхъ?

— Этихъ не такъ... Пренебрегаетъ ими... Какія, говоритъ, это собаки, такія-ли прежде были... А, только, тоже любитъ... Вотъ этотъ его любимецъ...

— Который?..

— Вдаръ.

— Ударъ, невольно поправилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, Вдаръ... согласился Ванька.

— За что же такъ?.. спросилъ Алексѣй Петровичъ, не настаивая.

— А крѣпко волка беретъ... Вотъ тѣ, что у барина на сворѣ, тоже хорошо берутъ, а все не такъ... Въ отхватъ, значитъ... Ну, а онъ возьметъ, такъ ужъ въ мертвую...

Алексѣй Петровичъ улыбнулся, но думалъ, что требовать поясненій излишне.

— А по твоему Стрѣлка все же лучше его?.. спросилъ онъ, и долженъ былъ сознаться себѣ, что спросилъ не безъ лукавства.

— Стрѣлка!.. началъ восторженно Ванька и снова оборвалъ, и снова сталъ прислушиваться.

— На этотъ разъ прислушивался не одинъ онъ.—Прислушивались и собаки, и лошади... Какая-то искра прошла по нимъ.—Всѣ разомъ вздрогнули, встрепенулись и разомъ замерли. Головы всѣхъ обернулись къ лѣсу... Всѣ видимо ждали...

Катокъ тоже вздрогнулъ и насторожился.—Онъ тоже прислушивался и Алексѣй Петровичъ чувствовалъ, что подъ нимъ уже не та лошадь, что была минута тому назадъ.

— Гонятъ!.. прошепталъ Ванька. Только далеко... Совсѣмъ въ томъ краю... Слышите?..

Алексѣй Петровичъ покачалъ отрицательно головой.

Прошло около минуты.

— А вѣдь въ нашу сторону!.. началъ опять Ванька... Слышите, слышите!..

Теперь Алексѣй Петровичъ слышалъ.

Странные, едва уловимые звуки неслись изъ глубины лѣса.—То замирая, то снова оживая, они росли и крѣпли, и дѣлались все ближе и ближе.

Далекій гонъ быстро приближался къ нимъ.

Алексѣй Петровичъ слушалъ съ невольнымъ любопытствомъ.

Звуки дѣлаются яснѣе и яснѣе.

— Да, это собаки... Но какія странные голоса!..

Голоса слышатся все ближе и ближе, и сливаются въ неистовомъ хорѣ.

— Какая дикая мелодія... и въ ней есть что-то... Что-то... Алексѣй Петровичъ не находитъ подходящаго слова.— Во всякомъ случаѣ она сильно дѣйствуетъ на нервы...

Голоса стонутъ, ревутъ и плачутъ.—Стая заливается совсѣмъ близко, у самой опушки.

Тяжелое, непонятное чувство охватываетъ Алексѣя Петровича.

— Не поскачу... Ни за что!..—прошепталъ онъ и и натянулъ поводья.

Тяжелое чувство охватываетъ его сильнѣе и сильнѣе.

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Вотъ здѣсь, думаетъ онъ и, въ недоумѣніи оглядывается на Ваньку.

Гонъ разомъ порвался. Еще нѣсколько отдѣльныхъ, чуть слышныхъ голосовъ, нерѣшительно взвизгнули совсѣмъ подлѣ нихъ. Тамъ и сямъ въ ближайшихъ кустахъ послышался какой-то шорохъ и все стихло.

Пара всклокоченныхъ, покрытыхъ репяхами, гончихъ, вынеслись на поляну, молча, бѣшеннымъ карьеромъ, промчались по опушкѣ и снова скрылись въ чащѣ.

Лѣсъ затихъ, замеръ.

Алексѣй Петровичъ продолжалъ глядѣть на Ваньку, очевидно не понимая въ чемъ дѣло.

— Что это?.. спрашиваетъ онъ, невольно понижая голосъ до шепота.

Ванька не отвѣчаетъ и только характерно грозитъ ему пальцемъ.

— Ту, ту, ту!.. раздался неожиданно и совсѣмъ близко, громкій, раскидистый голосъ Ивана Трофимыча. Ту, ту... Сюда!..

Хриплый, какъ изъ подъ арапника вырвавшійся, визгъ рѣзко огласилъ лѣсъ и стая заревѣла снова.—Но ужъ не тамъ гдѣ прежде.—Совсѣмъ въ сторонѣ и гораздо дальше.

Какое-то странное, опять новое, чувство шевельнулось въ груди у Алексѣя Петровича. Онъ понялъ, что вышло что-то не такъ.., что могло бы быть лучше, удачнѣе... и ему какъ будто стало чего то жаль.

— Къ низамъ пошла, выронилъ Ванька и, махнувъ рукою, на полныхъ рысяхъ пошелъ вдоль опушки.—Собаки, слегка натянувъ свору, шли рядомъ, тоже на рысяхъ, изрѣдка вспрыгивая, чтобы заглянуть подальше впередъ.

Алексѣй Петровичъ тронулъ Катка и не отставалъ. Они двигались параллельно гону.

Лошади отъ времени до времени срывали въ легкій галопъ.

Алексѣй Петровичъ понялъ въ чемъ дѣло. Онъ понялъ, что они поспѣшаютъ къ пригорку. Онъ понялъ, что надо поспѣшать.

Онъ пустилъ Катка и поровнялся съ Ванькой.

— Поспѣемъ?.. спросилъ онъ, и если бы вслушался, то его голосъ показался бы ему страннымъ.

Ванька молча кивнулъ головою. Лошади перешли въ галопъ.

— Да, они поспѣютъ... Совсѣмъ ужъ близко...

Ванька разомъ осадилъ лошадь и остановился. Больше скакать было незачѣмъ.—Гонъ круто повернулъ всторону и пошелъ въ глубь лѣса.

Они стояли молча, прислушиваясь.

Гонъ быстро удалялся.

— На предсѣдателя прошла... сказалъ Ванька и вздохнулъ всей грудью, чтобы перевести дыханіе.

— Прошла... повторилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, лисица... пояснилъ Ванька.

Нѣсколько минутъ они стояли молча, не двигаясь и не глядя другъ другу въ глаза.

— Травятъ!.. Слышите, травятъ!.. снова оживился Ванька.

Алексѣй Петровичъ не отвѣчалъ.

— Да развѣ же не слышите!? вырвалось у Ваньки, и въ голосѣ его звучало что-то въ родѣ и досады, и пренебреженія.

— Поѣдемте, сказалъ онъ, и они шагомъ направились по прежнему вдоль опушки.

Громкіе звуки рога раздались за лѣсомъ.

— Взяли!.. сказалъ Ванька и махнулъ рукою.—А совсѣмъ, совсѣмъ у насъ была, прибавилъ онъ минуту спустя.

Рогъ слышался совсѣмъ близко.

— Они сейчасъ тутъ—пояснилъ Ванька. Если бы не въ объѣздъ, такъ живо бы у нихъ были.

— А прямо нельзя?..

— Можно... Здѣсь сейчасъ лѣсомъ дорожка будетъ... Только въ одномъ мѣстѣ черезъ канаву прыгать надо.

Алексѣй Петровичъ замялся.

— А какъ Катокъ?..

— Катокъ... Катокъ-то, хоть черезъ заборъ...

Они проѣхали еще немного.

— Канава небольшая, самая пустяшная—выронилъ Ванька, повидимому безъ всякой задней мысли.

— Поѣдемъ, сказалъ Алексѣй Петровичъ.

Ванька нагло совралъ. Канава была препорядочная, и при видѣ ея у Алексѣя Петровича сердце сжалось въ груди. Но, конечно, было уже поздно.

Кромѣ того Ванька совсѣмъ умолчалъ о болотѣ.

Впрочемъ, оба препятствія оказались вовсе не такими серьезными, какъ думалъ Алексѣй Петровичъ.

Черезъ канаву Катокъ перелетѣлъ легкимъ, спокойнымъ прыжкомъ, а дорога по болоту, очевидно, была ему хорошо знакома и они переправились безъ всякихъ приключеній, хотя и были моменты, когда Алексѣю Петровичу дѣлалось не по себѣ...

Но... Алексѣй Петровичъ улыбался и покорялся судьбѣ.

— А теперь сейчасъ... вставилъ Ванька.—Дѣйствительно, чрезъ двѣ или три минуты они выѣхали на опушку.

Они застали компанію вполнѣ ликующей. Едва показались они изъ лѣсу, Лубенскій схватилъ лисицу за шиворотъ и, высоко поднимая надъ головой, потрясалъ ею какъ дорогимъ трофеемъ. Четыре пса лежали подлѣ, вытянувшись во всю длину своего тѣла. Дунинъ, полулежа, полусидя на пожелтѣвшей травѣ, наливалъ чарку водки. Сзади его Иванъ, съ тремя лошадьми на поводахъ, что-то говорилъ ему и сильно жестикулировалъ, а дальше, на противуположной опушкѣ, окруженный стаею, скакалъ Иванъ Трофимычъ.

Картина понравилась Алексѣю Петровичу.

— Поглядите, какая красавица!.. кричалъ Лубенскій.

— Матерая... прошипѣлъ Ванька, совсѣмъ не въ унисонъ.

— Лихая травля была!..

— Жаль, ч[illegible]всь не было, вставилъ Дунинъ. Травля дѣйствительно была лихая...

— Да, жаль... подхватилъ Лубенскій. Если бы вы только видѣли, какъ принялъ ее Рогдай!..

— Рогдай!!. усмѣхнулся Иванъ.

— Конечно Рогдай!.. а то Ахидъ что-ли?..

— Ахидъ, утвердилъ Иванъ.

— Толкуй... кто взялъ, вѣдь Рогдай взялъ!..

— А угналъ кто!.. Кабы не Ахидъ, такъ Рогдай бы ея и не увидѣлъ... Какъ только она изъ лѣсу, такъ Ахидъ ее какъ полѣномъ... Такъ и выстрѣлилъ... а Рогдай, конечно, на готовое. Вамъ своихъ и подпускать-то незачѣмъ было... только помѣшали!..

— Конечно помѣшали! . хохоталъ Лубенскій.—Совсѣмъ изъ подъ носу вырвали!..

— Вы и всегда такъ!

— Съ полемъ, Сергѣй Александровичъ, поздравилъ его Иванъ Трофимычъ, соскакивая съ лошади прежде, чѣмъ она успѣла остановиться.

— Да съ полемъ, съ полемъ... Есть съ чѣмъ поздравить.—Погляди, какая попалась!..

— Хороша... хороша! приговаривалъ Иванъ Трофимычъ, поворачивая лисицу и любовно разглядывая ее.

— А пахнетъ?.. Пробовали?—спросилъ онъ неожиданно.

— Нѣтъ не пробовали.

Иванъ Трофимычъ бережно разгладилъ шерсть на бедрѣ лисицы, почти у самаго хвоста, и понюхалъ.

— Что?..

— Пахнетъ.

— Это фіалкой-то?.. засмѣялся Дунинъ.

— Да... Вѣрите-ли, настоящая фіалка!.. удивлялся Лубенскій, нюхая.

— Дайте-ка... и Дунинъ тоже понюхалъ.

— А вы никогда не пробовали?.. обратился Лубенскій къ Алексѣю Петровичу... Представьте, запахъ настоящей фіалки!?. Это впрочемъ, не у всякой бываетъ.

Лисицу подали Алексѣю Петровичу.

— Господи!.. подумалъ онъ, однакоже понюхалъ.

— Что, какъ?.. допытывался Лубенскій.

— Удивительно... Въ самомъ дѣлѣ очень напоминаетъ фіалку... бормоталъ Алексѣй Петровичъ.

— Чтожъ, Сергѣй Александровичъ, сказалъ Иванъ Трофимычъ, передавая лисицу Ванькѣ и Ивану, теперь за упокой надо...

— Надо, надо!.. согласился Лубенскій и налилъ стаканчикъ.

Иванъ Трофимычъ поклонился и хлопнулъ.

— На здоровье, подсказалъ Лубенскій и налилъ себѣ.

Иванъ Трофимычъ снова степенно поклонился.

— А что нашъ Калмыкъ, живъ, здоровъ?.. спросилъ онъ вдругъ весело и совсѣмъ другимъ тономъ.

Всѣ, тоже улыбаясь, переглянулись, хотя, очевидно, и не понимали въ чемъ дѣло.

— Ну, какъ ты?.. продолжалъ Иванъ Трофимычъ, какъ то особенно прищуриваясь.—Ничего?..

— Ну, а что?.. Ничего!..

— Мг... а вѣдь у тебя была... Какъ есть у тебя!..

— Да, была...

— Что-жъ не травилъ?!.

Ванька молчалъ, сердито хмурясь.

— Вѣдь, она, Сергѣй Александровичъ, какъ только ее взбудили, такъ всѣми ногами на него и помчалась... Да, какъ есть, прямо на самый лазъ... Ну, думаю, сшибетъ Калмыка съ ногъ... Безпремѣнно сшибетъ... Да, на твое счастье, что то помѣшало.—Ну, сказывай, обратился онъ снова къ Ванькѣ, какую такую штуку учинилъ?

— Какую штуку!.. Никакой штуки!..

— Ну это ты врешь... Крѣпко она къ тебѣ просилась!..

— Просилась, да не пошла!..

— Чтожъ, не пошла!.. Да вѣдь какъ, обратился онъ снова къ Лубенскому, сунулась разъ и назадъ... Собаки нажали, она въ другой разъ и опять назадъ!.. Путается въ опушкѣ, а вонъ не лѣзетъ... Такъ, проклятая, помежъ собакъ и шныряетъ... Сердце у меня захолонуло. Ну, думаю, задавятъ окаянную, изъ лѣсу не выпустивши!..

Ванька молчалъ.

— Признавайся, не отставалъ Иванъ Трофимычъ, вѣрно по опушкѣ совался?..

— Совался!!. Развѣ я одинъ стоялъ... Не вѣришь, барина спроси!..

— Дѣйствительно, смирно стояли, засвидѣтельствовалъ Алексѣй Петровичъ, чувствуя что глаза всѣхъ обратились теперь на него.

— Да, совершенно смирно стояли, потвердилъ онъ еще разъ и вдругъ ему пришло въ голову, что причиною всему была его сигара. Да, для него не подлежалъ болѣе сомнѣнію, что сигара. Ему пришло въ голову также и то, что Ванька сейчасъ откроетъ секретъ и выдастъ его.

Глаза всѣхъ, по прежнему, были вперившись въ него и наперекоръ самому себѣ, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо...

Но, Ванька смолчалъ, не выдалъ секрета. Очевидно, оправдываться сигарою не пришло ему въ голову.

— Странно!.. проговорилъ Иванъ Трофимычъ.— А что нибудь да было...

У Алексѣя Петровича отлегло отъ сердца.

— Однако же, господа, началъ Дунинъ, пора, я думаю, и подниматься...

— Да, да!.. согласился Лубенскій, глядя на солнце.— Не рано, до привала недолго... Того и смотри, барыни подъѣдутъ!..

— Куда же теперь?..

— Теперь по байрачкамъ...

— По волкамъ, значитъ, довольно!..

— Какіе тутъ волки—ухмыльнулся Иванъ Трофимычъ— тутъ ихъ и не было!..

Собрали собакъ, и тронулись въ путь.

Дорогою Лубенскій, съ увлеченіемъ, передавалъ Алексѣю Петровичу подробности бывшей травли. Алексѣй Петровичъ слушалъ со вниманіемъ, хотя и не все было ему понятно.— Его прельщали не самый разсказъ, а пѣвучесть голоса говорившаго, живость жестовъ, восторженная музыка молодой рѣчи. Увлеченіе разсказчика магнитизировало его и непріятное чувство, навѣянное эпизодомъ съ сигарою, прошло скоро и безслѣдно.

Они ѣхали около получасу и чудная картина, картина необъятной степи, развернулась передъ ихъ глазами.

— А вотъ и байракъ, сказалъ Лубенскій. Съ него и начинать будемъ... Вѣдь съ него?—спросилъ онъ Ивана Трофимыча.

— Да, съ него.

Чрезъ нѣсколько минутъ они были у вершины байрака.

— Теперь, началъ Иванъ Трофимычъ, ты, Сергѣй Александровичъ, поѣзжай къ самому низу, къ выходу... Вы, обратился онъ къ Дунину и Ивану, по той сторонѣ, посерединѣ станьте.., а я подожду маленько и отсюда брошу.

— А намъ?.. спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Со мной побудьте... Я скажу...

Лубенскій, а за нимъ и Дунинъ съ Иваномъ на рысяхъ поѣхали въ объѣздъ. Отъѣхавъ около четверти версты, Дунинъ и Иванъ остановились. Изъ за невысокихъ кустовъ байрака виднѣлись ихъ головы и головы лошадей. Лубенскій проѣхалъ дальше, совсѣмъ внизъ, и скрылся изъ глазъ.

— Ну, теперь, сейчасъ запускать буду... обратился Иванъ Трофимычъ къ Алексѣю Петровичу. Поѣзжайте шажкомъ этимъ краемъ и станьте тамъ... Стойте, пока собаки не пройдутъ... Видно будетъ... А какъ пройдутъ, и вы подавайтесь... Тутъ долго не задержится... Русачишка живо вырвется...

Иванъ Трофимычъ слѣзъ съ лошади къ собакамъ.

— А ты, строго гляди!.. обратился онъ къ Ванькѣ, какъ бы въ раздумьи... Да выдержи въ пору!..

— Выдержу, Иванъ Трофимычъ, выдержу!.. выговорилъ Ванька голосомъ, совсѣмъ непохожимъ на прежній.

— Я съ тебя глазъ не спущу... выронилъ Иванъ Трофимычъ, и подошелъ къ Алексѣю Петровичу.

— Самымъ значитъ краемъ ступайте, повторилъ онъ снова, только...

— Только?.. переспросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Сигарки не курите... Потому, можетъ русакъ, а можетъ и лиса!.. закончилъ онъ совсѣмъ тихо, и повернулся къ собакамъ.

— Мг... подумалъ Алексѣй Петровичъ, догоняя Ваньку,— видѣлъ, бестія!..

Черезъ минуту они были на указанномъ мѣстѣ, у самаго края байрака.

Лубенскаго имъ не было видно, но Дунинъ съ Иваномъ и Иванъ Трофимычъ были на виду. Этотъ послѣдній нагибался надъ стаей и изъ подъ его рукъ, каждый разъ, отрывалась пара гончихъ. Онѣ буквально летѣли внизъ байрака и, глядя на нихъ издали, можно было подумать, что Иванъ Трофимычъ и впрямь бросалъ ихъ.

— Да, бросаетъ... проговорилъ самъ себѣ Алексѣй Петровичъ... Слово схвачено вѣрно.

Собаки исчезли въ байракѣ.—Иванъ Трофимычъ, опять верхомъ, спускался съ крутизны, вслѣдъ за ними. Его громкій голосъ и хлопанье арапника раскатывались по кустамъ и неслись въ далекую степь.

Тутъ бродилъ!.. Полазилъ, полазилъ!.. переливалось на всѣ лады и манеры.

Внизу, въ кустахъ, пробѣжала одна собака; потомъ другая, третья...

— Надо подаваться, шепнулъ Ванька—Затѣйка уже прошла. Будило тоже...

Они проѣхали саженъ пятьдесятъ.

Внизу байрака, на самомъ его днѣ, послышался слабый, отрывистый, чуть слышный визгъ, что-то въ родѣ вздоха, стона.

Ванька придержалъ лошадь и сталъ прислушиваться.

— Что? спросилъ Алексѣй Петровичъ невольнымъ шепотомъ, тоже останавливаясь и тоже прислушиваясь.

— Затѣйка доходитъ...

Визгъ повторился еще и еще разъ.

— Да, это она...

— Ай, яй, яй!.. залилась Затѣйка, и Алексѣй Петровичъ вспомнилъ знакомый уже ему голосъ, такъ рѣзко огласившій, часъ тому назадъ, опушку большого лѣса.

Байракъ ожилъ.

Десятокъ гончихъ, цѣпляясь и путаясь въ кустахъ, неслись со всѣхъ сторонъ на призывный кличъ.

— Какъ черти... подумалъ Алексѣй Петровичъ, невольно улыбаясь.

— А вотъ и Громило отозвался.., началъ было Ванька.

Бурею взвыла стая, и бурею понеслась впередъ.

Ванька и Алексѣй Петровичъ скакали вдоль оврага рядомъ, нога объ ногу, стремя объ стремя.

Гонъ круто повернулъ и пошелъ прямо на нихъ. Они разомъ осадили лошадей и замерли. Гонъ приближался со скоростью урагана. Съ каждой секундой онъ былъ ближе и ближе и Алексѣй Петровичъ чувствовалъ, что съ каждой секундой сердце его билось сильнѣй и сильнѣй.

— У дьяволы!!—усмирялъ Ванька борзыхъ. Онѣ, всѣ три, поднялись на заднія ноги и буквально висѣли на сворѣ.

— На дыбошкахъ... вспомнилось Алексѣю Петровичу.

Гонъ все ближе и ближе.

— У черти!.. хрипитъ Ванька и дергаетъ свору...

Свора лопнула и всѣ три пса ринулись въ кусты.

Легкій крикъ вырывается у Алексѣя Петровича. Онъ понимаетъ, что теперь все испорчено.

— Отрыщь.., назадъ, назадъ!.. У, проклятыя!.. громко кричитъ Ванька, и крѣпко вытянувъ лошадь арапникомъ, въ два скачка скрывается съ глазъ, вслѣдъ за собаками...

А гонъ клокочетъ, кипитъ совсѣмъ близко; совсѣмъ тутъ...

Катокъ вздрагиваетъ все чаще и чаще—порывисто вскидываетъ голову и нервно переминается съ ноги на ногу.

— Что это, какъ будто гонъ уже не тотъ?.. Да, прежняго рева уже нѣтъ... Голоса идутъ въ перебой... Они поворачивались назадъ... Да, прочь отъ опушки!.. Неужели же не выйдетъ и теперь, или... стеряли?!..

Алексѣй Петровичъ приподнимается на стремянахъ и старается заглянуть черезъ кусты.

Дунинъ, съ другого берега байрака машетъ ему шапкою.

Алексѣй Петровичъ не понимаетъ въ чемъ дѣло.

Дунинъ продолжаетъ махать и что-то показываетъ ему.— Иванъ тоже машетъ.

Алексѣй Петровичъ оглядывается. По полю, шагахъ въ ста сзади его, несется заяцъ.

Ту его!.. вырывается у Алексѣя Петровича прежде, чѣмъ онъ могъ что либо сообразить, и инстинктивнымъ движеніемъ онъ прилегъ къ лукѣ.

Катокъ срывается съ мѣста карьеромъ.

— Сюда, сюда!.. кричитъ Алексѣй Петровичъ.

— Если бы одна,.. только одна собака... Заяцъ такъ близко, совсѣмъ близко...

— Сюда, сюда!.. Ахъ нѣтъ... Улю-лю... Улю-лю!..

— Хоть бы кто нибудь... Но, они всѣ тамъ, по ту сторону байрака!..

Катокъ наддаетъ сильнѣй и сильнѣй... Заяцъ все въ томъ же разстояніи.

Кажется рытвина... Сердце сжимается въ груди у Алексѣя Петровича, но...

Улю-лю, улю-лю... вырывается у него еще громче, еще сильнѣе...

Катокъ перескакиваетъ, и летитъ дальше.

А заяцъ по прежнему близко, и по прежнему ни одной собаки.

Сзади ни топота, ни крика.

Алексѣю Петровичу хотѣлось бы оглянуться... поглядѣть назадъ, но онъ чувствуетъ, что не въ силахъ. Да, малѣйшее движеніе и онъ вылетитъ изъ сѣдла. Онъ и то не можетъ понять, какъ онъ держится въ немъ.

А заяцъ какъ будто бы пристаетъ. Разстояніе между ними какъ будто бы меньше...

— Сюда, сюда!.. сбивается снова Алексѣй Петровичъ... Ту его, ту его!.. поправляется онъ.

Что это?.. Заяцъ быстро удаляется. Разстояніе между ними разомъ удвоилось, утроилось...

Алексѣй Петровичъ не вытерпѣлъ и оглянулся.

Ударъ и Стрѣлка быстро догоняли его.

Сюда, сюда!.. вопилъ Алексѣй Петровичъ, не помня себя, и страстная радость звучала въ его, начинающемъ уже обрываться, голосѣ.

Они догнали его и скакали рядомъ; но не было сомнѣнія, что заяцъ ихъ видѣлъ, а они его нѣтъ.

Они продолжали скакать рядомъ, отъ времени до времени подпрыгивая и заглядывая впередъ, вправо, влѣво. Но зайца они, очевидно, не видали.

Онъ мелькалъ далеко впереди.

— Ту его, ту его!.. кричалъ Алексѣй Петровичъ, крѣпко взмахивая шапкою.

А!.. Наконецъ!!..

Собаки рванулись.—Ударъ разомъ вынесся далеко впередъ.

— Выстрѣлилъ, да выстрѣлилъ... какъ полѣномъ... повторяетъ себѣ Алексѣй Петровичъ... Вотъ оно—дѣло-то!.. вспомнилось ему—и, самъ не зная зачѣмъ, онъ хлещетъ Катка нагайкою.

Дѣло, дѣйствительно, началось.—Алексѣй Петровичъ больше не кричитъ. Спазма сдавила его горло; грудь захватило... Онъ чувствуетъ, что голова его идетъ кругомъ и бьетъ Катка еще разъ, еще и еще.

Скачка перешла въ бѣшеную, неистовую.

— А Ударъ добирается... Да, добирается, молодецъ!.. Бѣдная Стрѣлка далеко отстала... Ей не справиться съ нимъ... Онъ ее съ ушей оборвалъ!..

Какъ черный клубочекъ катится заяцъ; но разстояніе между нимъ и собаками замѣтно уменьшается... Катокъ съ каждымъ прыжкомъ какъ бы набирается силы, и скачетъ все крѣпче и крѣпче.

— Молодецъ Ударъ!.. а Стрѣлка... тоже забираетъ... Да, догоняетъ!..

— Улю!... порывается выкрикнуть Алексѣй Петровичъ, но спазма схватываетъ горло крѣпче прежняго, и голосъ обрывается.

— Да, она возьметъ... Молодецъ Стрѣлка... Ей Богу, возьметъ!.. причитываетъ Алексѣй Петровичъ, и снова погоняетъ.

— Что это?.. Что это?!..

Быстро кувыркаясь черезъ голову, Стрѣлка летитъ далеко въ сторону, Ударъ тоже... А гдѣ же заяцъ?..

Клубочекъ несется далеко въ другой сторонѣ.—Къ нему несется, къ Алексѣю Петровичу.—Да, почти прямо къ нему на встрѣчу.

— А,.. значитъ къ лѣсу!.. Къ лѣсу... Такъ вотъ что, къ лѣсу!.. снова лепечетъ Алексѣй Петровичъ.—Онъ быстро осаживаетъ Катка и снова несется наперерѣзъ.

А Ударъ снова выстрѣлилъ... Сейчасъ возьметъ...

— Нѣтъ, не натянулъ!..

— Улю, лю!.. звонко и рѣзко вырывается изъ груди Алексѣя Петровича.

— Молодецъ Стрѣлка!.. Молодецъ, опять впереди!..

Алексѣй Петровичъ снова погоняетъ, но перерѣзать не удается.—Заяцъ и собаки пронеслись совсѣмъ близко.

— Теперь не уйдетъ!.. Нѣтъ, не уйдетъ!.. Молодецъ, Стрѣлка, молодецъ!..

Заяцъ и Стрѣлка скачутъ рядомъ. Она, какъ будто, даже впереди... Ей стоитъ только повернуть голову... Но, что-же она не беретъ!.. Чтоже она не беретъ!?.

— Ту его, ту его!..

Но, Стрѣлка головы не поворачиваетъ—она, очевидно, не можетъ повернуть ея... Умница понимаетъ это, и только жмется къ зайцу все ближе и ближе...

Они скачутъ совсѣмъ рядомъ.

Наконецъ!..

Заяцъ, буквально, взлетѣлъ на воздухъ.

— Но, отчего же она не взяла его!.. Зачѣмъ она не беретъ его... и гдѣ Ударъ?..

Ударъ далеко сзади—онъ, очевидно, больше не помощникъ, а байракъ близко...

— Улю—лю!.. Ту его!!.

Стрѣлка снова добирается... Но, она просто играетъ съ нимъ!.. Да, играетъ, и не беретъ!..

Впереди слышутся крики, голоса, топотъ.

— Да, это Лихачъ?!. Да это онъ!..

Лихачъ несется отъ байрака, почти навстрѣчу зайцу.—Вся стая съ ревомъ и воемъ мчится за нимъ.—Иванъ Трофимычъ скачетъ наперерѣзъ—онъ машетъ арапникомъ, кричитъ, ругается... Скачетъ и Ванька.

— Ту его,.. ту его!.. надрывается Алексѣй Петровичъ, и не спускаетъ глазъ съ Лихача.

— Нѣтъ,.. пронесся!..

А Стрѣлка опять рядомъ.

— Ту его!..

Заяцъ снова взлетаетъ; Стрѣлка снова катится всторону.

— Ту его!.. Ту... началъ Алексѣй Петровичъ, и оборвалъ.

Конецъ.—Лихачъ взялъ.

Стая реветъ громче прежняго, и мчится еще быстрѣе.

— Разорвутъ... мелькаетъ въ головѣ у Алексѣя Петровичъ, и онъ снова погоняетъ Катка.

— Тубо!.. тубо!!.

Катокъ круто осаживаетъ у какой-то безформенной, но живой массы. — Масса движется, кишитъ, взвизгиваетъ, всхлипываетъ.

Алексѣй Петровичъ инстинктивно хватается обѣими руками за гриву и впрыгиваетъ въ средину массы.—Онъ не опоздалъ.—Онъ поспѣлъ во-время... Да, заяцъ цѣлъ; онъ чувствуетъ его подъ собою.

— Тубо, тубо!.. кричитъ онъ и неистово хлещетъ плетью во всѣ стороны.

— Отрыщь!..раздается надъ его головою громкій и сердитый голосъ Ивана Трофимыча, и арапникъ свиститъ въ воздухѣ.

— Отрыщь, отрыщь!.. подхватываетъ Алексѣй Петровичъ.

— Не ушиблись?—спрашиваетъ его Иванъ Трофимычъ, и помогаетъ ему встать.

— Нѣтъ...—нѣтъ!.. бормочетъ Алексѣй Петровичъ, поднимаясь на ноги, и начинаетъ приходить въ себя.

— Вишь ты, шаловый,.. говоритъ Иванъ Трофимычъ, медленно поднимая зайца, — какихъ хлопотъ надѣлалъ.— Отрыщь! снова окрикиваетъ онъ собакъ.

Собаки отскакиваютъ на дистанцію арапника; но сторожатъ и ждутъ.

Немного всторонѣ, вытянувшись, какъ на прессъ-папье, лежитъ Стрѣлка.—Дыханіе ея тяжело, прерывисто... Она видимо равнодушна ко всему окружающему... Она сдѣлала свое дѣло, и ей больше ничего не надо.

Алексѣй Петровичъ разсѣянно вглядывается въ нее, и чувствуетъ, что они уже не чужіе... Что онъ съ нею свои... что они пріятели...

— Взяли? спрашиваетъ, подскакивая, Ванька, очевидно только для того, чтобы что нибудь сказать.

Иванъ Трофимычъ молча окидываетъ его взоромъ, и не отвѣчаетъ.

Ванька не выдерживаетъ взгляда; онъ видимо чувствуетъ себя не по себѣ.

— Да, что-же это такое?!. Что-же это такое?!. повторяетъ про себя Алексѣй Петровичъ.

— Торочить, что-ли?.. спрашиваетъ снова Ванька.

Иванъ Трофимычъ снова не отвѣчаетъ. Молча отрѣзываетъ онъ заячьи лапы и бросаетъ ихъ собакамъ.

— Надо ѣхать... думаетъ Алексѣй Петровичъ и поворачивается къ Катку.

— Позвольте-съ... останавливаетъ его Иванъ Трофимычъ. Онъ, молча, подходитъ къ нему и, заворотивъ свой рукавъ, начинаетъ чистить ему платье.

— Барыня съ гостями пріѣхали... замѣчаетъ онъ лаконически.

Алексѣй Петровичъ снова въ сѣдлѣ. Онъ чувствуетъ себя

какъ-то лучше... Что-же это такое?! Что-же это?.. повторяетъ онъ, отъѣзжая.

Сзади слышится топотъ лошади.

— Ваше превосходительство! окликаетъ его Ванька нерѣшительно.

Алексѣй Петровичъ слышитъ, но не поворачиваетъ головы и не останавливается.

— Что-же это въ самомъ дѣлѣ?.. повторяетъ онъ еще разъ и вдругъ улыбка начинаетъ играть на его лицѣ.

Да, да!.. Дѣтоубійцу оправдалъ... въ стуколку игралъ, и... и, чортъ знаетъ что, зайца затравилъ!..

— Ваше превосходительство,.. повторяетъ Ванька еще нерѣшительнѣе, еще робче...

— Ну, что?.. Что тебѣ?.. накинулся на него Алексѣй Петровичъ и тутъ же спохватился—кричать на Ваньку, во всякомъ случаѣ, не было никакихъ причинъ.

— Да намъ не туда, замѣчаетъ Ванька.

— Какъ не туда?.. переспрашиваетъ Алексѣй Петровичъ.—А и въ самомъ дѣлѣ, думаетъ онъ, куда же это я... и онъ снова улыбается.

— Всѣ тамъ, внизу, собрались... На привалѣ...

Алексѣй Петровичъ оглядывается. — Дѣйствительно, у самого байрака, внизу, виднѣется коляска, подлѣ нея толпятся люди, лошади, собаки.—Кто-то машетъ ему платкомъ.

— Поѣдемъ, говоритъ онъ и поворачиваетъ Катка.

Стрѣлка, Ударъ и Лихачъ бѣгутъ передъ ними.—Одобренный его голосомъ Ванька равняется съ нимъ. Въ торокахъ у него болтается заяцъ.

При взглядѣ на него Алексѣй Петровичъ почему-то снова улыбается своею обычною улыбкою... Лицо его дѣлается все веселѣй и веселѣй.

Въ концѣ концевъ—рѣшаетъ онъ вдругъ, совершенно неожиданно, травля—прелестная вещь. Да, прелестная!..

И снова цѣлый рой странныхъ идей охватываетъ его голову, и, снова улыбаясь, онъ резюмируетъ ихъ все тѣмъ же словомъ—уѣздъ!..

— Побѣдили?.. издали кричитъ ему Лубенскій.

— Я?.. спрашиваетъ, вмѣсто отвѣта, слегка, какъ будто удивленный и захваченный врасплохъ Алексѣй Петровичъ.— То есть, зайца?.. поправляется онъ.

— Ну да, зайца!..

— О, да, побѣдилъ!.. Зайца побѣдилъ!!.. отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ и, тронувъ Катка, подъѣзжаетъ къ коляскѣ вполнѣ веселый и довольный.

Псковичъ.